

ВЕЧНОЕ ЛЕТО

*Любовь — как сигарета.
Убивает, но ты
наслаждаешься этим.*

18+

Кейси Эшли Доуз

Вечное лето

Серия «Вечное лето», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70009480

SelfPub; 2023

Аннотация

Сложно найти людей более непохожих, чем Анжела Питерсон и Сантино Рамос. Анжела – вместе с матерью после развода родителей переезжает в новую страну, где мечтает о куче друзей, выпускном, престижном вузе. А главное – школьном капитане баскетбольной команды. Сантино – мексиканский мигрант, постоянно попадающий в переделки и различные неприятности, из-за чего сменяет по несколько школ за год. Учеба волнует его не больше, чем климат Австралии, зато он точно знает, как стянуть бумажник из кармана того парня. Их взгляды на жизнь и мир разнятся сильнее, чем полюса, но очень скоро они навсегда изменят жизни друг друга.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	8
Глава 2.	37
Глава 3.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Кейси Доуз

Вечное лето

Моё любимое время года – июнь, начало лета. Когда всё ещё впереди. Так и надо жить, не оборачиваясь. И верить, что впереди всё лето, а позади вся зима.

(с) Рэй Брэдбери. «У нас всегда будет Париж».

Вот бы за дешево загнать «завтра» первому встречному и осесть в этом июле, в этом втором его числе.

(с) Роберт Чарльз Уилсон

Пролог.

Я сижу в кресле и листаю местную газету. В другом конце комнаты работает телевизор, который рассказывает те же самые новости, только гораздо более динамично. Однако, я предпочитаю пялить свои глаза именно в газету.

Не самое худшее, как я представляла себя в 65 лет. По крайней мере, не вяжу и не обсуждаю, какая нынче плохая молодежь. Конечно, с каждым днем этого не делать становится все сложнее – порой смотрю на них так или иначе, да язык сам поворачивается сказать гадость. Но сдерживаю себя в руках – нет, это последний оплот старости.

До него и вязания я не опускаюсь. Как и до сканвордов, да и очков в большой роговой оправе. Ношу линзы, хоть многие и говорят мне о том, что в мои годы практичнее было бы смириться с наличием очков.

Нет уж. Очки, глупые сканворды, пересуды и вязания – пусть положат ко мне в гроб, когда я откину свои старые ноги. Но не сейчас.

Слышу шаги – Лиззи возвращается с кухни за мороженым, за которым я ее послала, чтобы дать языку хоть немного передохнуть. Она заходит и, улыбаясь, протягивает мне пиалку. Откладываю газету:

– Спасибо – говорю.

– А теперь расскажи еще что-нибудь – просит она.

– Ты уже все слышала не на один раз – улыбаюсь я и погружаю первую порцию мороженого в рот.

– Ну расскажи тогда про Сантино – просит Лиззи.

Этой девушке уже за двадцать, но сейчас клянчит, будто ребенок. Я беру еще одну ложку в рот, после чего мотаю головой с усталой улыбкой:

– Это грустная история, Лиззи.

– Ну и что? Ну расскажи – просит она – ее ты еще не рассказывала.

Да, почти все вокруг меня знают о Сантино, но никто не получал эту историю из моих уст. Кто бы как не старался – ни одному я не пускалась в детальные рассказы. Кто-то еще жив из тех, кто был свидетелем всех этих событий, кто-то нахватался исковерканных городских сплетен.

Я же не люблю о нем говорить.

– Как-нибудь в другой раз – уклончиво отвечаю я.

– Ну пожалуйста – повторяет она, прицепившись, словно репей – расскажи про Сантино.

Я неохотно откладываю мороженое в сторону.

Может, и стоит ей рассказать? В конце концов, мне уже 65 лет, с тех пор столько воды утекло.. Не сказать, чтобы это был секрет, если его основу все знают, просто никогда не любила затрагивать события тех лет.

Для себя я предпочла их забыть. Отрезать, как ненужный лоскут ткани, но видимо, он упал слишком близко, чтобы и

остальные его так же не замечали.

– Только не говори потом, что я тебя не предупреждала – говорю я ей, а она уже возбужденно улыбается, устраиваясь на кресле рядом.

Она усаживается в своей любимой «слушательской» позе – делает так всякий раз, когда я рассказываю что-нибудь забавное из своей жизни.

Я вздыхаю. Мои волосы будто вновь становятся чуть темнее, седина уходит, а глаза снова загораются блеском юности, с каким я приехала в тот год в Чикаго:

– Началась эта история очень и очень давно, и я не совру, если скажу, что с тех пор минуло уже порядком полувека..

Глава 1.

Первая встреча.

15 лет.

-1-

Я смотрю в окно машины, наблюдая за приближающимся домом. Да уж, не самое лучшее, что можно желать, но мне 15, и я рада, что мы совершаем такой грандиозный переезд.

Был бы у него еще повод повеселее – но меня особо не парит. Последние годы папа и так особо не уделял мне внимания, чтобы я сильно тосковала вдруг по разлуке с ним. Тем более, он не особо-то и рвался как-то этому препятствовать.

История переезда довольно заурядная.

Мама с отцом перестали находить общий язык (или кто им помог, я не вдавалась в подробности), пытались это подлатать, тратили кучу бабок на психологов, а в итоге пришли к самому ожидаемому – разводу. После развода мама забрала свою часть весьма скудных пожитков, нажитых в браке – включая меня – и ломанулась за лучшей жизнью в США (сами мы из Канады).

У Сантино была прямо противоположная ситуация – но

тогда я еще не знала ни об этом, ни о нем самом. Я грезила лишь тем, насколько сильно измениться моя жизнь в Штатах. Будни в Канаде были довольно тривиальными – школа, юбочки, домашнее задание и отбой по расписанию. Сейчас же маме придется работать (до развода работал только отец), а значит следить за мной будет не так много времени. Уезжая, я наверняка для себя решила – что все измениться.

Почему мама ломанулась в Штаты, а не купила что-нибудь в нашей стране? Не знаю. Но я не особо удивилась. Уже тогда это очень было распространено.

«Американская мечта».

Все ищут счастья в США после полного краха в середине жизни. Почему-то считается, что как только переступишь территориальную границу – жизнь сразу пойдет совсем другим раскладом.

Может да, а может и нет. Изменения в жизни зависят от тебя, а не того, где ты вдруг решил арендовать дом, но тогда я этого не понимала. Мне 15, и я рвусь навстречу всему новому со своей мамой, решившей подлатать свою жизнь новой тканью под 40 лет.

Зато, очень быстро я поняла – что без минимальной денежной основы переезда, в Америке тебе ручкой не помажут. Максимум кинут с презрением ковриком «Welcome» в лицо. То же можно сказать и про мигрантов.

Думаю, именно поэтому судьба свела нас с Сантино Рамосом в первый раз. Он мексиканец, а мы с мамой канад-

ки-почти-голодранцы, что еле сводят концы с концами. Короче говоря, попали под одну, впрочем-то, не шибко завидную категорию в США.

И оказались в одной из множества школ «для таких».

Где бедняки жаловались, что им надо учиться с «этими мигрантами», и мигранты плевались на зазнавшихся нищелюбов. Отличная атмосфера, но и этого я тогда не знала.

Ни то, чтобы для нас были отдельные школы, просто так получалось. Богатые американцы (или же мигранты с большими деньгами, а значит сразу любимые в этой стране) – отдавали детей в частные школы, где денег хватало обучаться лишь таким же. Вторыми – шли обычные школы, в довольно престижных или хотя бы благополучных районах. Попастись туда можно было – но смысл, если мы жили в другом конце города, где цены на жилье в трижды дешевле? И эту разницу я бы как раз просаживала на автобусах, как и три часа езды каждый день.

Вот и получалось, что вроде никаких ограничений, но те, кого в Америке были рады видеть меньше всего – сталкивались на общих территориях школы/работы/учебы, хотя открыто их туда демократичная Америка, конечно же, не отправляла.

У каждого право выбора, учишься где хочешь.

Но тогда я не задавалась этим вопросами. Я просто подъезжала к дому с мамой, выглядывая в стекло машины.

– Ты говорила, что дом будет большой – замечаю я, фырк-

нув. Да уж.

– Он и большой – отмахивается она, заруливая во двор – ты не видела остальных, Анжи.

Ладно, главное, что здесь у меня будет больше свободы. Наверное, я единственный подросток, который радуется, что его увезли от отца, и он не шибко-то часто будет видеть мать.

А может, наоборот один из многих.

Выходя из тачки, я уже думаю над тем, сколько заведу подружек в школе, сколько еще на кружке стрит-танцев (куда я очень хочу попасть), и как мы вместе будем собираться в моем доме, когда мама будет оставаться на работе в ночные смены.

По крайней мере я очень надеюсь, что у нее хоть иногда будут ночные смены. Не то, чтобы я плохая дочь – но очень уж хочется устроить тусовку у себя дома, пригласить кучу народу, и стать самой популярной девчонкой в школе.

Короче сделать все то, что в Канаде сделать не получалось.

Нет, я не была из числа зануд, и пара подружек у меня, конечно же, была и в Канаде – но хотелось стать той самой

королевой школы, которая на выпускном говорит пафосную речь в окружении всей школы, что заглядывает ей в рот. Рядом с ней красавец-парень (желательно капитан школьной баскетбольной команды), по другую руку лучшая подруга-стерва (но не красивее меня), и вы такие офигенные все.

В общем, сериальная мечта. Типо как у мамы греза об *американской мечте*. У каждого на свой лад.

Но зайдя в дом, понимаю, что прежде чем кого-то сюда приводить на какие-то там тусы – потребуется не одна дела его облюбовать. Голые стены, сомнительная мебель. Пол скрипит.

Как будто к бабушке в гости приехали. А бабушка, между прочим, живет не в городе, а в одном из глухих Канадских деревень. Тех, где все зелено и круто, но где стабильно не ловят вышки и можно забыть про интернет. Для кого-то мечта, для меня – суший кошмар.

Почему мы не поехали к ней? Стелла Питерсон – бабушка по отцовской линии. Со своими предками мама разругалась намного раньше, когда согласилась выйти за отца в 18. Да уж, вот ирония. Но мне – это все равно круто. Ведь теперь у меня столько свободы!

Конечно, с деньгами напряг и мама сразу сказала, что первые два месяца придется поужаться в таких мелочах, как чипсы и шоколадные батончики, но все это меркло в сравнении с тотальным изменением моей жизни.

Да уж, по крайней мере так я себе это представляла и даже не знала, что на деле меня ждет. И речь не только о Сантино.

Весь этот день мы разбирали вещи и вешали занавески на окно, которые мама забрала с собой. Не думаю, что отец был против – он даже никогда их не задергивал, если это забывала сделать мама. Как он всегда говорил «мне по боку, кто там и на что смотрит – если хотят глазеть, то пусть глазают и завидуют, как прекрасно мы живем».

Мама же постоянно дергалась на тот счет, что кто-то из соседей может нас увидеть. Хотя ничем таким мы не занимались – иной раз она подсакивала и дергала занавески среди вечера, когда мы просто сели есть перед телеком.

Однажды я даже задумалась – не в занавесках ли дело их развода? Но потом одернула себя, напомнив, что это как минимум глупо. И совсем не из-за того, что люди не разводятся из-за занавесок – а скорее потому, что мама так делала, сколько себя помню. А напрягаться они с отцом стали только в последние года.

Это была среда, потому конечно же, мне пришлось идти в школу считай с середины недели. Это только в красивых фильмах или с семьями, где родители планируют все заранее, а не срываются с места, как оголтелые – переезд как раз приходится на выходные (а еще лучше на лето) – и ребенок приходит в новую школу с нового учебного года (или хотя бы новой учебной недели).

Мне же предстояло явиться туда в четверг.

Но это ничего. Оптимизм еще не вышел из меня, и я была намерена обзавестись в первый же день кучей подруг. Ночь я ворочалась без сна, словно ребенок в предвкушении дня рождения, а когда прозвенел будильник – вскакиваю с такой скоростью, на которую не сподобливалась даже в Канаде.

Мама уже встала и я застаю ее на кухне, готовящей мне сэндвичи.

– Доброе утро, ма– бросаю я.

Кухня намного меньше, чем в Канаде, но смысл ей об этом постоянно говорить? Здесь все меньше, чем в Канаде, включая размер ее кошелек и состав нашей семьи, но я ищу плюсы.

– Ты рано – одобрительно кивает она, заправив прядь рыхлых волос за ухо – думала, придется тебя будить.

Мама красотка, но внешность я взяла в основном от отца. Волосы чуть светлее, чем у меня, зато лицо круглое. Независимо от моей комплекции. За последние полгода я ненароком скинула пару фунтов, и стала совсем стройной, но лицо по прежнему блещет щеками.

Это в отца. У мамы оно овальное. Нет, я далеко не девочка, про которых из жалости говорят «в ней есть своя изюминка» или «зато она красива душой». Кому нужна душа, если ты испещрён прыщами, а драные по моде джинсы выглядят на ногах, как будто колбасу перетянули?

Я достаточно симпатичная, но если бы во мне не брали верх отцовские гены, то была бы правда куда как красивее. Осознание этого меня частенько бесит – почему было не перенять мамины черты лица? Вот тогда мне точно бы светило место королевы школы.

Я быстро ем сэндвичи. Мама садится со мной, но мы не перебрасываемся словами. Она уже достала планшет и смотрит там вакансии, пытается найти работу. Я все надеюсь, что она найдет что-нибудь с чередованием по ночным сменам. Однако, замечаю, какие варианты она вычеркивает – и с

разочарованием понимаю, что работу с ночными сменами она нарочно не рассматривает.

Настроение значительно портится, но я не подаю виду. Это же первый день в новой школе. Американской школе – сколько я сериалов про это видела! Этому дню так просто не испортится.

В итоге, распустив волосы, нацепив джинсы и футболку, я кидаю портфель на спину. Чмокаю маму в щеку и выбегаю на улицу. С трудом пытаюсь добраться по телефону в школу. Пару раз сворачиваю не туда – приходится возвращаться.

По мере продвижения, замечаю – все это мало смахивает на сериал. Улицы становятся еще хуже, а не лучше, на что я надеялась, а люди вокруг еще менее приветливыми. Где же эти девчонки-стервы, которые подъезжают в школу на папиных мерсах и с которыми мне надо сдружиться, чтобы потом их перещеголять?

Вскоре мне предстоит понять, что все такие «девчонки» приезжают в частные лицеи и школы, а не туда, куда иду я.

Я быстро сверяюсь с табелем и поднимаюсь на нужный этаж. Но едва я захожу в кабинет, как прямо передо мной прокатывается какая-то куча. Я тут же растерянно отступаю. Куча кувырком катится до доски, после чего начинает кричать.

– Разнимите их немедленно! – раздраженно приказывает учительница. Очевидно, она учительница, потому что намного старше нас всех, и единственная одета в черно-белое,

словно на линейку.

Пара парней тут же выбегает вперед, но куча продолжает кричать. Наконец, я понимаю, что это куча из двоих сцепившихся людей. Один из них перехватывает позицию и садится верхом, начиная мутузить другого.

– Немедленно прекратите! – требует учительница. Меня пока никто не замечает. Еще бы – такое представление. Я тоже с любопытством смотрю. Впервые вижу такую драку своими глазами – у нас в школе не происходило ничего подобного даже между старшеклассниками. Чтобы вот так, по полу..

Наконец, того, кто сидит сверху, стаскивают ребята. Он начинает махать, но поняв, что дело крыто, перестает. Вырывает руки из их хватки и неспешно вытирает кровь с губы, глядя на своего соперника. Тот тоже встает, держась за нос и бок одновременно.

Выглядят оба как две подратые собаки, которых мама всегда подкармливала в Канаде на улице из жалости. Сложно сказать, кто из них победил, а кто первым начал.

– Рамос, Джонсон – отчеканивает учительница, смеряя их раздраженным взглядом – к директору оба.

Так я впервые встретила Сантино Рамоса.

Как выясняется, Сантино – это тот, которого оттаскивали сверху. Я понимаю это по фамилии, тут же бегло оглядывая обоих.

Один из парней – тот, который поднялся вторым, высоко роста. Его волосы курчавые, светлые глаза и все такое.

А вот второй уж точно на голову его ниже. Нос скорее напоминает клюв орла, глаза такие же – темные, прозорливые, готовые схватиться за любую мелочь, после чего тот час вцепиться в дичь когтями.

Орел – вот кого он мне напоминает, но совсем не с положительной стороны. Зато, оглядев их обоих, у меня не возникает сомнения, кто из них носитель фамилии Рамос, а кто Джонсон.

Вообще, надо сказать, Сантино не из тех парней, кто отличается богической внешностью. Это видно сразу. Он не урод, но глядя на него, не возникает желания грохнуть на пол с ладонью у лба и мыслью «о боже, это восьмое чудо света!».

Сантино из тех парней, которым стоит дать шанс хоть раз открыть рот.

И вот тогда.. тогда уже не сможешь его позабыть, потому что харизма у него бешеная. Раньше я думала, что внешность решает, но вскоре мне предстояло понять – что главное оружие парня (мужчина/юноши) это не его моська, а его умение развязать язык.

Если увлеченно слушаешь его 30 минут без остановки с учетом, что только 30 минут вы и знакомы – то это катастро-

фа. Даже если ничего не срастётся, такие парни выходят из головы намного сложнее писанных красавцев. Харизма – настолько чертовски сильное оружие, что я ввела бы его в ранг запрещенных. Хотя бы потому, что его без лицензии могут получать типы наподобие Сантино.

Но тогда я об этом еще не знала. Просто вижу перед собой заурядную мексиканскую физиономию, ничуть не привлекающую внимания. Я задерживаюсь на нем не больше секунды. Даже его противник меня заинтересовывает больше, хотя оба они так себе.

Как минимум, потому что разбирались между собой не на школьном дворе после уроков, как то делают крутые парни из моих сериалов, а сейчас – валяясь в пыли по полу перед учителем. Как-то что-то не то.

Еще бы победитель явным был. А то – оба в ссадинах, оба отмуженные, обоих разняли. Кто победил? Кто начал? В чем прикол?

Когда их уводят в директору, я наконец захожу в класс. После этой потасовки никого не интересует мой приход. А жалко, я надеялась произвести фурор (как в сериалах). Однако, одна девчонка меня все-таки замечает.

Конечно, не та, какую я хотела бы заиметь в подруги, но для начала сгодится. У нее рыжие волосы, так же джинсы и футболка. Она так резво подбегает ко мне, что не остается сомнений – здесь у нее друзей нет.

Она подбегает ко мне не с любопытством, а с явной на-

деждой. После первых пары пикировок (меня зовут Кэти – а меня Анжела), я спрашиваю на счет того, что это такое было. Она лишь равнодушно отмахивается:

– А, это привыкай. Тут такое постоянно.

– А из-за чего они подрались?

У нас в школе, как я сказала, такого не было – но даже если бы случилось, я вообразить себе не могу настолько серьезную причину, чтобы учинить такое в классе, еще и при учителе.

– Тоби назвал Сантино вонючим мексом, ну и понеслась.

– Сантино это..

– Тот, с орлиным носом – без всякого смущения обозначает Кэти, в воздухе вытягивая свой нос.

Так я узнаю его имя.

– А что не поделили-то? – все еще не понимаю я – за что Тоби так его назвал?

– А нужен повод? – усмехается она – привыкай. Тут такое часто. Американцы ненавидят мексиканцев, а те в ответ быстро распускают руки. На самом деле Тоби сам виноват – знал же, какой шизанутый этот Рамос, нафига лез?

– Шизанутый? А почему он шизанутый?

– Откуда я знаю – дергает она плечами – он сам недавно здесь. Пару месяцев назад поступил. И за это время не было и недели, чтобы его к директору не вызывали. Машет своими граблями по поводу и без. Шизанутый, говорю же.

Я считаю оценку Кэти, которая здесь учится, видимо, дав-

но – вполне объективной и киваю. Так вот, Сантино – такое появилось у меня о тебе первое мнение, которое тебе очень и очень не скоро удастся развеять, если, будем честны, удастся до конца это сделать вообще.

К началу урока они оба возвращаются обратно. Тот, которого Кэти назвала Тоби – обработан. Нос заклеен, кое-где небольшие пластыри. Сантино же, как «крутой парень, который не оборачивается на взрыв», даже губу не заклеил.

Лишь многим позже я узнаю, что это был акт протеста на то, что в этой драке его опять признали неправым, хоть Тоби и первый его обозвал. Тогда же мне это показалось идиотским, а сам Сантино еще более придурочным, чем его описала Кэти. Почему не взять и не заклеить эту губу, а вместо этого каждые две минуты вытирать ее рукой и шмыгать носом, из которого непонятно то ли кровь, то ли сопли бегут.

И мне приходится это слушать весь урок, потому что я сижу на последней парте. Только они две (они последние) были свободны. А Рамос сидит через проход от меня с каким-то тоже мало милостивым типом.

Обычно, если мама видела таких в Канаде на улице – то вкрадчиво говорила мне, что они кончат в тюрьме раньше, чем получают аттестаты. Говорила она это, недовольно сверкая на них глазами, но если мы сталкивались с такими группами в магазинах, она ничем не выдавала своей неприязни.

Но, слава богу, уже на следующий урок Кэти все-таки решается и зовет меня к себе за парту, которая гораздо ближе к

доске и гораздо дальше от Сантино. Я соглашаюсь и сгребаю свои тетради.

– Вдвоем тут всегда веселее – заявляет Кэти, как мы оправдывая свою первичную навязчивость ко мне в плане дружбы – во время таких драк хоть поорать можно, за кого ты. А одному как-то.. неудобно?

Я киваю, к концу дня с подачи Кэти окончательно решив, что драки и прочая белиберда совершенно нормальны не только в этой школе, но и в принципе во всех школах Америки. И лишь очень нескоро мне предстоит узнать, что это просто Кэти к этому так относится и суется на рожон, где все такое творится.

Большинство учеников же не выявляет желания «поорать за кого ты» в драке или же вообще не считает эти драки нормальным. Но выбор тем днем был сделан, я села к Кэти и все понеслось.

–3–

Через пару недель мне становится очевидным, что Кэти не преувеличивала, говоря о Сантино Рамосе. Более того – она скорее даже приуменьшала, хоть это и совсем на нее не похоже.

За эти пару недель я осваиваюсь в школе, пусть и кроме Кэти так и не завожу новых знакомств. Возможно, дело в Кэти, а может быть и в том, что и дружить тут особо не с кем. Никаких тебе стерв школы, красавчиков или капитанов

баскетбольной команды. Здесь вообще в баскетбол шуруют играть только в качестве наказания и взашей.

И драк-то не так уж, чтобы много. Но зато если что-то грохочет, или кто-то приходит с разбитым носом с перемены – сомневаться не приходится. В этом поучаствовал Сантино Рамос. Даже за эти две недели при мне его вызывают 7 раз к директору. Пять раз за драки, дважды за то, что он курил прямо в холле школы, и не думаю как-то спрятаться, а наоборот огрызался.

Еще и тупой. Извини, Сантино, но твой список личностных качеств тогда пополнялся с невероятной скоростью в моей голове. А все, что я не видела сама – дополняло твое окружение.

Окружение Рамоса – словно прическа, с которой ты прешься в школу. Я замечаю за эти полмесяца, что он отирается исключительно в компании таких же неумных, как и он. Не сказать, что все из них мексиканцы, но большинство. У некоторых американские фамилии, и я задаюсь вопросом, что их всех связывает.

Вскоре понимаю. Их связывает неумная тяга пакостить и огребаться. Нарушители – причем совершенно не романтизированные. Это не эдакие плохие парни-красавцы в кожанках, которые смотрят на всех томным взглядом и имеют за собой какую-то грустную историю, которая объясняет, почему они сделались такими и предпочли вертеть этот мир.

Нет, они просто идиоты, которые любят драться, нару-

шать правила по надобности и без, курят и ругаются матом через слово. При этом считают все это совершенно рутинным, как, например, записать число или поставить будильник.

Я называю это «быдло», а Кэти любопытно уточняет, что означает это слово. Узнав, она равнодушно жмет плечами. Соглашается, что они идиоты, но заявляет, что не будь таких, в школе стало бы совсем скучно. А так пол урока уходит на разбирательства, вторая половина на перешёптывания и обсуждения, а на перемене они вновь дерутся, курят или еще как-то вызывают гнев учителей.

С Сантино, как и его дружками, мы не пересекаемся даже случайно. Даже в столовой. Как и остальные (благоразумные) стараемся держаться подальше от этой стайки, которые могут перевернуть стол только потому, что сегодня дали сок апельсиновый, а не их любимый персиковый.

Однажды один парень-старшеклассник был неосмотрителен. Проходил мимо, когда один из дружков Сантино это как раз сделал. Ему показалось, что котлета слишком холодная. Часть, падая, обляпала этого старшеклассника, и он чести своей ради решил замахнуться на виновника.

Это он зря.

Они все налетели на него тут же, словно свора дворовых собак. И как думаете, кто кусался больше всего, а гавкал громче всех? Конечно, Сантино, хотя его-то по большому счету никто не трогал и никаких претензий к нему не имел.

В итоге именно его отправили к директору, а не того пацана, который и перевернул стол.

Но за пару дней до того, как наши пути впервые разошлись, они все-таки успели едва заметно соприкоснуться, словно желая оставить печать памяти на будущее.

Так сказать, заклеить нас.

-4-

Тот день был ничем не примечательным.

Мы с Кэти, как обычно, на перемену отправились побродить по школе. Мы так делали только тогда, когда не намечалось ничего интересного в классе. Если, например, не какая-нибудь драка, или очередной приступ гнева у учителя за плохие отметки.

Нам всегда интересно такое слушать, потому что благодаря мне у нас с Кэти всегда хорошие оценки. Училась я в Канаде не просто хорошо, а отлично (режим-учебники-домашка, помнишь?), потому и здесь меньше А ничего не получала. А Кэти помогала, как подруге. Естественно, интересно тогда посмотреть, как других ругают за D и C, когда на тебе максимум остановят взгляд, чтобы сказать: «Питерсон.. другое дело, единственная хорошая работа в классе».

На Кэти такого акцента не делали, потому что всем было понятно, откуда выросли у ее стабильной и уверенной С вдруг ноги, которые дотянулись до А.

Так вот, эту перемену мы просидели доброй частью в классе, но когда поняли, что вся задиристая шайка куда-то ускочила, то тоже ушли. Без них не будет ни драк, ни словесных перепалок – словом, ничего увлекательного.

Благодаря Кэти я стала считать это увлекательным, что-то типо школьных собачьих боев. Хотя до сих пор помню, как в первый день любопытство с большим трудом пробивалось сквозь растерянность и отвращение, когда я наблюдала эту кучу мала у доски.

Впрочем, ранг забавы в этих драках не возвел в моих глазах в какой-то особенных ранг их участников. Как и собак на боях не особо уважают, глаза либо для забавы, либо при наличии тотализатора.

Мы с Кэти болтаем о какой-то ерунде, когда вдруг подруга нащупывает у себя в кармане джинс пару долларов по центам:

– Пошли купим что-нибудь – предлагает она, имея ввиду школьный буфет.

Он здесь, на сколько я понимаю, для того, чтобы снабдить за деньги едой тех, кто не наелся в столовой. Естественно, за цену накрученную в три раза. Однако, все равно он пользуется популярностью.

– Пошли.

Я тоже сую руку в карман. Мои стабильные 5 баксов, которые мама дает мне на ланч, если вдруг понадобится. Если не понадобится, я могу отложить их себе в копилку. Если успею

– вообще-то мама требует их перекладывать на следующий день, и надо обладать большой сноровкой, чтобы спрятать их от ее прозорливых глаз и очень убедительно заявлять, что я потратила сегодня все до цента.

Кажется, именно сегодня врать не придется. Потому что на 2 доллара жестянками Кэти она ничего нормального не купит. Придется поделиться с ней, а значит купить вдвое больше.

Я складываю одну в другую 5 однодолларовых бумажек, когда чья-то ловкая рука выдирает их у меня прямо из-под носа.

– Эй! – я тут же поворачиваюсь.

Напротив меня какой-то старшеклассник, деловито отсчитывает отобранные деньги.

– Всего 5 баксов – фыркает он – ладно, я сегодня добрый.

– Отдай! – возмущенно требую я, сжимая кулачки.

– А то что? Побьешь меня ладошками или зацарапаешь подпиленными ногтями?

Моя отвага берет верх над разумом. По большей части даже не из-за денег, а из-за того, что я уже настроилась поесть. Даже придумала, что возьму – и для этого мне категорично нужны мои 5 баксов.

Я замахиваюсь на него и успеваю нанести пару «декоративных» ударов по этому придурку, когда он скручивает мои руки и отталкивает обратно к Кэти. Она и не спешит вмешаться в разборку – видимо, в отличии от меня давно поня-

ла, что здесь к чему.

– Я пожалуюсь директору! – заявляю ему я, пользуясь последней угрозой, но он лишь гогочет:

– Ага, и че скажешь? Какой-то тип из школы забрал мои 5 баксов?

Да уж. Не знаю ни имени, ни фамилии. А даже если докопаюсь – у меня лишь слова. Мои и Кэти. А его дружки, все до единого, я уверена – подтвердят, что всю эту перемену он был с ними.

Химию, блин, учил.

Я уже собираюсь вновь сказать что-нибудь едкое, как у этого парня выхватывает деньги со спины чья-то другая рука. Тот тут же оборачивается, но в этом нет нужды. Перехватчик и так выходит вперед.

Сантино?

– Слыш! – старшеклассник угрожающе надвигается на него, но исход боя становится очевиден в следующее же мгновение.

Конечно, Сантино никуда не ходит без своей такой же, как и он сам, полоумной шайки, которая подтягивается следом. Численный перевес налицо, и придурку не остается ничего другого как, несмотря на старший класс, ретироваться. Бубня что-то себе под нос.

Я озадаченно наблюдаю за этим. Надо же. Не ожидала, что в Сантино есть что-то благородное и джентельменское. И что он может помогать.

Я протягиваю руку за деньгами, когда он уже начинает считать купюры:

– Спасибо – улыбаюсь.

Медленно подняв голову, он окидывает меня равнодушным взглядом. Словно и забыл, что я здесь, и чьи это вообще деньги. Задумчиво хмурится, после чего невозмутимо отсчитывает доллар из всех пяти баксов и сует мне, бросив:

– Сочтемся.

Я даже не нахожусь что ответить на эту наглость, а он под шумок уходит со своей шайкой в закат. Видимо, деньги они собираются тратить не на буфет.

Мои деньги.

Я озадаченно гляжу на доллар, когда Кэти спрашивает, будто сама не видит:

– Сколько он тебе дал?

– Один бакс! – возмущенно машу перед ее носом помятой купюрой.

– Кто бы сомневался. Сантино тебе не рыцарь в доспехах – подруга жмет плечами с усмешкой – ну хоть так. Тот то и это бы забрал.

Не могу согласиться с ее логикой. Это изначально МОИ деньги, все до последнего. И почему я должна делить их с кем-то и при этом еще быть радой, что не забрали все?

Прекрасно, мир дикой природы. МОИ деньги отобрал один ублюдок, но его обошла стая орангутангов побольше. Один из них с широкого барского плеча согласился отдать

доллар из МОИХ пяти долларов, что он забрал.

По факту – теперь уже он забрал мои четыре бакса. Прекрасно! Как он там сказал – «сочтемся?»

– Уму непостижимо – жалуюсь я – он забрал мои деньги, и еще считает меня обязанной.

– Забей – усмехается Кэти и звенит своими двумя бакса из центов – ладно, на три тоже можно поживится, хоть и не так чтобы.

С заметно более мрачным настроением я иду вслед за подругой к буфету.

Теперь вместо 7 баксов на двоих у нас вполовину меньше.

К началу урока мы успеваем съесть по булке и поделить между собой бутылку сока. Впрочем, ланч получается не таким уж и плохим, потому на мгновение инцидент с деньгами слегка затуманивается в моей памяти.

Однако, стоит мне вновь увидеть Сантино, когда мы заходим в класс – как волна негодования вновь берет вверх.

Может, пожаловаться на него учителю? Или директору?

Хотя.. что они ему сделают? Он скажет, что денег не брал или быстро сунет их своим друзьям. Максимум, его накажут или впишут еще одно нарушение. А мне-то с того что? Мне нужны мои деньги, но их мне вряд ли вернет хоть директор, хоть учитель.

Сажусь за парту с Кэти, огораживая себя от необдуманных решений.

Урок идет как обычно. Вначале объясняют новую тему, а

после поочередно вызывают к доске всех, вплоть до звонка. Решить по одному примеру из новой темы. А на следующем уроке начинают с того, кем кончили на предыдущем. Потому и до конца всегда доходят, и никто не повторяется, пока круг не окончен.

Первыми двумя к доске идут Патенли и Петиш. После чего учитель называет мою фамилию:

– Питерсон.

В отличии от этих двух (да и вообще от подавляющего большинство класса), я решаю пример быстро и легко. Радуюсь, что могу продемонстрировать учителю класс, который он оценит, как всегда, в А+.

По окончанию решения, как всегда, учитель просит класс проверить меня на наличие ошибок (это делается для того, чтобы если кто-то нашел и сказал, как исправить – ему пол балла уже авансом идет). Когда класс ничего не находит, он проверяет сам и ожидаемо ставит мне А+, как следует расхвалив.

Кто идет дальше, меня не волнует – на сегодня я свое оторабанила.

А дальше идут Поссэт и Пьюэт, после чего переходят на следующую по журналу букву «Р».

Райли тупит очень сильно, в итоге ничего не может решить даже на С, и как следует отчитав его и назвав «бестолочью», что противоречит всякому учительскому уставу (как собственно и мой класс нормальном ученикам), педагог от-

правляет его на место с оценкой D.

D означает либо внеурочное исправление, либо минус 2 балла на контрольной по этой теме, что по сути, та же самая будущая D. Короче, это максимально плохой исход, и судя по сторбленной спине парня, он это прекрасно понимает.

Но мистер Смит не смотрит на него – он уже вызывает к доске следующего:

– Рамос.

К моему большому удивлению, он выходит уверенной походкой, самодовольно ухмыляясь дружкам. Это странно даже для него – вся школа знает, что при самых лучших исходах Сантино получает C-, но чаще всего именно D.

Не повод особо радоваться.

Ему дают пример. Как всегда на решение дается три минуты, после чего следует проверка. Ждут дольше, только если ученик уже не думает, а чисто просит времени дописать. Если же дописывать нечего – принимается то, что уже есть на доске. Или чего нет.

Как только учитель засекает три минуты и вновь опускает голову в книгу, Сантино украдкой глядит на него, пытаясь удостовериться, что тот и правда не смотрит на доску.

После чего смотрит на меня. Конечно, все знают, что я лучшая ученица в классе, а то, как десятью минутами ранее я разделалась со своим примером только подтверждает это, но с чего он взял, что я стану ему помогать? Вот, почему он был таким самодовольным, выходя к доске?

Со всем довольством, на которое только способна, скрепчиваю руки на груди и фыркаю.

Получай свою D, кретин. Вот твоя плата за 4 бакса, которые ты у меня спер. Честности ради, я бы и так ему не помогла, даже если бы он не спер, но теперь мою душу греет факт отмщения.

Однако Сантино продолжает на меня смотреть, и теперь его взгляд становится требовательным, как бы намекая, что настало время «списать долги».

(он дает мне доллар и бросает: – сочтемся..)

Я дергаю правым уголком рта, высокомерно причмокнув. Вот уж не дождется. Нарочно гляжу на учителя и жду, когда же он наконец поднимет голову по истечению времени.

Заметив мой настрой, взгляд Сантино меняется. Его угрожающе-пытливый изгиб брови красноречивее слов дает понять, что я лишусь и того бакса, что он отдал, если «не сумею быть ему благодарной». И того бакса, и еще всех баксов на месяц вперед.

А памятуя, какую фигню он творит, совершенно не опасаясь – я охотно верю тому, что он устроит мне тёмную с деньгами, если я в итоге упрусь сейчас рогами. Проблем с эти придурком мне совсем не надо – я видела, что случается с теми, кто на эти проблемы напрашивается.

Вот же фигня! Я должна помогать ему, якобы сводя счёты за то, что он отдал мне один бакс. ОДИН из имеющихся МОИХ пяти! Условно говоря, благодарить его за то, что он

спер моих четыре бакса? Прелестный мир.

Но время идет, и во взгляде Рамоса уже угрозы становится больше, чем пытливости.

Я закатываю глаза и быстро всевозможными знаками и невербаликой стараюсь дать ему решение. При этом еще не слишком активно, чтобы мистер Смит не запалил это боковым зрением и не наказал нас обоих.

Сантино может и тупой (как я считала), но хотя бы сообразительный. Он быстро смекает, что и как я имею ввиду, и заканчивает решение на доске раньше данного времени секунд на десять. Весь класс видел, как я ему помогала – но естественно, никто не скажет и слова. Никому, как и мне, не хочется нарываться на шайку Рамоса и его самого лично.

В итоге, когда все единогласно решают, что ошибок не найдено (еще бы, это же мое решение), как доске поворачивается для своей проверки мистер Смит. Вскоре его взгляд становится изумленным, и он смотрит на Сантино, как на НЛО.

В итоге озадаченно потирает переносицу и оглядывает его дружков. Кто мог ему помочь? Ставлю пари, на меня он подумает в последнюю очередь, а все остальные не так умны, чтобы решить задание идеально.

Еще раз потеряв переносицу, он бурчит Рамосу:

– Садись, А+.

И вносит оценку в журнал.

Надо видеть ту самодовольную усмешку, с которым Сан-

тино идет в своим дружкам, словно король горы. Меня аж раздирает от бешенства. Но Кэти дергает меня за локоть и шепчет:

– С ума сойти. Это первая его отметка выше D в нашей школе. А уж A да еще и A+ – она сдавленно усмехается – думаю первая и последняя во всей его жизни.

– Кретин – цежу я и подруга смеется еще сильнее, но под взглядом мистера Смита быстро переводит смех в сдавленный кашель.

Я решаю, что когда Рамоса следующий раз вызовут к доске и поставят D (потому что теперь я ему ничем не обязана) я буду ликовать как никогда. И не то, что не попытаюсь этого скрыть, а нарочно буду лыбиться во все лицо, чтобы он увидел.

Но этот момент не успевает наступить.

-6-

Не проходит и четырех дней с того урока, как Сантино Рамоса исключают из нашей школы.

Точнее, с позором и скандалом выгоняют ко всем чертям собачим. Честно, когда я об этом узнаю – то сначала решаю, что это какая-та шутка.

Сколько за этот неполный месяц, что я училась, он вытворял финделей – и ему все спускали с рук. И многочисленные драки, и бесстыдное курение прямо в школе, и даже весьма

оскорбительные пикировки с учителями. Да, выносили выговор, вносили в личное дело – но никто никогда не заговаривал о том, чтобы выгнать его из школы.

Однако, когда я вижу в стенах школы высокого хмурого мужчину, подозрительно на него похожего, закрадываются сомнения. А когда его окликают «мистер Рамос» и проводят в кабинет директора – становится очевидным: Сантино и правда исключают.

Достаточно быстро становится известным за что. Тот поспорил с друзьями, что сможет закинуть камень в окно кабинета директора на четвертом этаже. Как трепались его дружки на переменах – Сантино взял самый большой, чтобы сила была большой и летел выше, а потому попал с первого раза. Конечно, он выиграл 10 баксов, и теперь именно с ними его отчисляют.

Я так толком и не поняла, как вышли именно на него. То ли директор в тот момент был в кабинете, то ли камеры, то ли просто кто слил из тех, кого Сантино стабильно поколачивал – но так или иначе, все это узнали в тот же день.

Видимо, предыдущие нападки директору казались мелочью, но когда позарились на его собственную честь, а главное окно – он захлопнул дверь своей школы перед лицом Сантино, полагаю, тыкнув его отцу на все предыдущие предупреждения и нарушения, что были в течении всех трех месяцев, что Рамос учился в этой школе.

На следующий день Сантино уже лишил нас своей «при-

ятной» компании. Думаю, это даже лучше, чем D по уроку. Во всяком случае, его исключили из одной школы – а значит, он продолжит травить жизнь учителям в другой, но уже не в нашей и не нам.

Следующий раз с Сантино мы встретились только через 2 года, хотя я полагала к тому моменту, что не увижу его больше уже никогда. Честно сказать, к тому моменту я и забыла, что когда-то там с нами учился некий Рамос.

Но судьба любит пошутить.

Глава 2.

Вторая встреча.

17 лет.

-1-

Это было весной, за пару месяцев до выпускного. Март только подходил к концу, но год выдался теплым, и мы с Кэти уже всю шарились по городу в лосинах и футболках. Иногда подруга доходила до безумства и натягивала на себя майку, но я полагала, что это еще слишком рано. Стоит подождать хотя бы месяц.

Конечно, наши разговоры крутились в основном только о выпускном, да наших парнях. Еще периодически об уроках и дальнейшей жизни, но скорее чисто для приличия. Мне это было интересно, я намеревалась поступить на юриста в Нью-Йорк, а вот Кэти считала себя творческой и забила на школу еще год назад. Даже перестала списывать у меня и благополучно скатилась с наигранной А+ на свою бывшую уверенную D.

Если честно, мне кажется «творческой» себя Кэт почувствовала, только когда завертела с Бредом, который витает в облаках. Бред – капитан баскетбольной команды. И не боже упаси, не из нашей школы, где на игру в баскетбол парней надо гонять взашей за какой-то проступок. Подробности не знаю, но вроде как они познакомились в кафе. Она заказала мороженое, а денег ей не хватило. Она знала об этом, но наделась взять женским обаянием кассира. Начала хлопать глазами, а у того была девушка, потому он лишь сильнее нахмурился. Зато купился Бред, который стоял следующим в очереди. Он добавил ей и взял себе молочный коктейль. Естественно, когда он подсел к ней за столик, Кэти уже всю была готова действовать.

Через неделю они уже стали не разлей вода. Он оказался из школ среднего типа, которые не частные с детьми на мерсах, но в благополучных районах. Где играть в баскетбол – честь, а стать капитаном баскетбольной команды – настоящая удача. До сих пор не понимаю, как именно Кэт отхватила этот лакомый кусок, а не я. Отчасти, это даже несправедливо и я не сразу смогла с этим смириться – ведь именно я смотрела сериалы, и именно я хотела начать встречаться с капитаном баскетбольной команды.

А в итоге начала встречаться с Тэдом. Тэд – друг Бреда, так что в чем-то и этим я обязана Кэти. Он играет в баскетбол, но конечно же похуже. Он симпатичный, но конечно же не такой красавец, как его друг. Еще он дико пошлый, но в

целом очень даже ничего, если сравнивать с тем, из чего был выбор в нашей школе.

Мы с ним познакомились, потому что Кэти часто таскала меня с собой, а Бред был неразлучен с Тэдом, словно они парочка. Естественно, когда Кэти с Бредом начинали обжигаться, нам с Тэдом ничего не оставалось, как затеять какой-нибудь совершенно абсурдный разговор, при этом мы говорили о чем-то со всей серьезностью. Рано или поздно подобная ахиня сближает, и вскоре наши свидания стали двойными. Тэд умел ухаживать и дарил красивые цветы, которые я ставила дома на кухне. Мама, видя каждый раз новый букет, заявляла, что ей уже нравится этот парень, хоть она его и не знает. Мне он тоже нравится, и думаю для 17-ти этого вполне хватает. Мне лестно проходить с ним по улицам и смотреть на его баскетбольные игры, но не сказать, что я прям жизни без него не вижу. Он приятный, и мне не приходится проводить вечера одной, когда Кэт зависает с Бредом, а этого достаточно.

Единственный минус Тэда – его навязчивость. Он все безуспешно пытается затащить меня в постель, и ни раз я даже слышала, что ему это удастся с другими. Лично я его на этом не ловила, и по большому счету не собиралась выяснять отношения до выпускного без явных причин. Он симпатичный, и с ним вместе мы будем смотреться просто офигенно. Я уже даже присмотрела себе платье, а мама записала меня к парикмахеру.

Конечно, перед выпускным очередь за пару месяцев вперед, ушами хлопать нельзя.

Так и выходило, что вне школы мы проводили с Кэти время, либо шастая по городу, обсуждая наших парней, либо на стадионах, наблюдая за их очередными матчами со сборными других школ. Вели они себя там, словно отстаивают как минимум честь страны, однако приятно находится на игре, если в итоге команда Теда (и Бреда) выигрывает. Сразу чувствуешь себя такой же значимой, забывая, что это всего лишь матч между «средними» старшими школами.

Если они побеждали, то Тед неизменно в тот вечер звал меня в кино или кафе. За эти два года мое лицо несколько не вытянулось, зато фигура стала еще симпатичнее. Я научилась достаточно пользоваться косметикой, чтобы скрывать неуютную форму своего лица. Однако, если слишком уж старалась, то вместо скул казалось будто проехала лицом по рельсам. В такие моменты Тед многозначительно изгибал бровь, давая понять, что сегодня мои возможности стилиста не ушли дальше носа.

Обычно в такие дни он водил меня в парк или куда-то не особо в людные места. Винить его за это нельзя – если он надевал свои старые футболки, в которых выглядел, точно сын потомственного механика, мы тоже не заглядывали в кафе и я не спешила с ним пройтись по центру.

Так мы ненавязчиво и не категорично давали друг другу понять, что нас устраивает, а с чем мы не особо хотим ми-

риться. В общем-то, нас обоих все устраивало (ну, кроме постели, но Тэд уже почти смирился).

В тот самый злополучный день должен был пройти очередной матч между школами. Мы с Кэти были уверены, что команда наших парней одержит победу (как в большинстве случаев), а значит каждая из нас после этого пойдет со своим победителем в кафе или кино. Потому мы разнарядились, как новогодние елки, раскрасились и даже выглядели отчасти неуместно на стадионе.

Кто же знал, чем это обернется на самом деле.

-2-

Мы сидим на первой трибуне, как обычно. Тед и Бред постоянно нам оставляют эти места. Точнее, Бред на правах капитана школьной команды. Честно говоря, пусть и прошел уже год с момента начала их отношений с Кэти, я все еще порой ей завидую. Да, Тэд очень ничего и по большому счету ушел недалеко, но Бред – само воплощение моих канадских мечт. Однако, Кэти моя единственная подруга и естественно парня у нее отбивать я не собиралась.

Да и к тому же надо было видеть, какими влюбленными глазами всякий раз смотрел на нее Бред, чтобы понять – этого парня не получится увести на свою луговину, как степного козла. Он точно знает, где хочет пастись и неслабо лягнет, попытайся его перетащить.

На стадионе битком набито школьников с обеих школ, от

средней до старшей. Следом за нами пестрит трибуна, полностью отданная выпускникам, которые поддерживают свою команду. Я поправляю свою рубашку, завязанную узлом на талии. Под низ я надела майку, но поскольку у рубашки рукава откатанные – смотрится это нормально. Кэти же явилась просто в розовой майке с огромным декольте. Не уверена, что ей холодно – крича название команды наших, она вся покраснелась, точно рак.

Тед с Бредом отсалютовывают нам на трибуны, давая почувствовать себя особенными среди прочих, после чего через пару минут игра начинается. И поначалу все идет очень даже неплохо. Точнее, как обычно. Мяч там, мяч сям. В отличии от Кэти, я особо не разбираюсь. Просто смотрю по итогу – победили или нет.

Она же из-за Бреда настолько углубилась в баскетбол, что знает все правила, потому пристально следит за мечом. Периодически меня толкает локтем в бок, с жаром что-то объясняя. Один толк – я ничего не понимаю и думаю только о том, чтобы мои светлые волосы не разнесло ветром в другую сторону. Я должна выглядеть прекрасно, когда по окончании матча выбегу на поле поздравить Теда в числе первых. Конечно, девушки капитанов команды заслуживают большего внимания трибун, но Бред с Тэдом всегда рядом, так что и я отхвачу свою дольку взглядов.

Однако, вскоре Кэти начинает возмущаться, как и большая часть трибун.

– Нарушение! – кричит она в общем возмущенном го-
не, после чего поворачивается ко мне – почему ему не дали
нарушение! Это фол!

Знать бы еще, что такое фол.

Я пытаюсь так же состроить возмущенные мину. Гляжу
на Тэда – они с Бредом тоже злятся, но игру не останавлива-
ют. Нарушителя, судя по всему, не заставляют понести нака-
зание. Вскоре трибуны успокаиваются, но когда по заверше-
нию игры выигрывает команда нарушителя, все взрываются
с новой силой.

Получается какой-то недалекий счет – короче, как дает
понять мне Кэти, наши бы выиграли, если бы все наказания
той команде считали по правилам. Она убеждена, что судья
необъективен и на полном серьезе считает, что кому-то есть
дело до школьных матчей, чтобы на них мухлевать.

Короче, так или иначе, первым делает выброс Бред – он
бросается на капитана победившей команды. За ним Тед и
далее по цепочке. Две команды смешиваются в кулачном
бою, после чего то же начинает происходить на трибунах.
Кто-то сцепляется прямо здесь, кто-то выбегает на помощь
командам на поле, и там уже сцепляется кубарем с такими
же «помощниками» противоположной стороны.

Я хочу поскорее ретироваться нафиг, но Кэти сигает впе-
ред, даже не предупредив меня. Естественно, я не могу ки-
нуть подругу. Да и Тед не поймет, если Кэт – девушка Бреда,
побежала «отстаивать честь» их команды, а я – его девушка

– нет. Вот если бы мы обе не побежали, то можно было бы объяснить, типо «мы девушки, драки это не наши», но благодаря Кэти выбора у меня нет.

Спасибо, Кэт.

Я тоже бегу вперед. В отличии от Кэти – запала у меня нет, потому вместо того, чтобы махать руками, я быстренько получаю сама ото всех сторон подряд. В итоге валюсь на траву, встаю, чувствую что моя прическа безвозвратно испорчена, но вместо гнева ощущаю лишь зарождающуюся истерику. В итоге, когда убеждаю себя, что все не так плохо – какая-та девчонка с той школы вцепляется мне в волосы, окончательно все ухойдокав. Тогда-то я бешусь и вцепляюсь ей в лицо, сама удивляюсь, как роняю на землю. Сажусь сверху и начинаю лупить ладонями по ее наглой физиономии.

И совершенно не обращаю внимание на то, что почему-то в какой-то момент все быстро убегают с поля. Кто-то продолжает драться, как и я – которые не имеют мозгов. Или типо того. Короче нас, незадачливых драчунов, вовремя не сбежавших и так сказать, попавшихся с поличным, раздражают и задерживают копы, дежурившие на стадионе на такой случай, как злостных нарушителей публичного порядка.

Лишь когда нашей скудной кучей нас ведут на выход, я замечаю раздосадованное лицо Кэт. Она стоит рядом с Бредом и Тедом. Очевидно, эти трое вовремя закончили свои драки. Мне остается лишь удивляться собственной тупости. Меньше всего хотела драться, подралась в итоге не за коман-

ду, а за прическу –и единственная из нашей четверки в итоге отправляюсь в участок.

Еще и маму вызовут – там отхвачу втройне.

Заканчивается все еще куда хуже, чем я могла представить. Большинство нашей кучи отделяется выговором, родителями и штрафом в 100\$. Особенно везучие, чьи родители не смогли или не захотели платить штраф – вынуждены отработать его. Короче, для меня все завершается 80-ми часами на городских исправительных работах для несовершеннолетних.

Конечно, я же такая преступница!

Конечно, у нас нет лишних 100 баксов, но мама вполне могла их как-нибудь найти, где-нибудь выкроить. Подозреваю, она просто сильно разозлилась и сделала это мне в порядке наказания. Мол, зачем тратить деньги, если лучше «воспитать меня» наглядно.

Естественно, из этих 80-ти в день нас могут припрягать лишь по 4 часа, потому это удовольствие у меня растянется на целый месяц. Начиная с пяти вечера. Супер. Школа, домашка, мамины наказания по дому, а потом мести парки или что там дают до вечера. Сон и по новой.

Отличный месяц выпускника.

Еще и работать там со всякой шелупонью, собранной со всей округи. Кого еще отправляют на принудительные исправительные работы? Ну, не считая меня, моей принципиальной мамочки, и единичной идиотской ситуации, в кото-

рой я оказалась.

Возвратившись домой, я вымываю всю посуду в качестве первого мамино наказанья и поднимаюсь в комнату. Тут же прочитываю кучу сообщений от Кэти, которая пишет, как ей жаль, и спрашивает, чем по итогу дело кончилось. Так же немало сообщений от Теда, который спрашивает, какого рожна я вообще полезла в драку, если не знаю элементарного понимания, когда нужно отступить.

Однако, когда они оба узнают о моем наказании, Тед тут же становится сочувствующим, и обещает, что будет меня встречать каждый день после этих работ и провожать до дома, чтобы я не шарилась сама по улицам в темноте. Кэти же заверяет, что будет приходить ко мне и приносить что-нибудь вкусненькое. Короче, пытаются приободрить меня, как могут, поэтому долго я на них злиться не могу.

Да и по честному – реально сама виновата.

Уже на следующий день мне приходится после школы сразу же идти домой, а не гулять с Кэт. Надо успеть сделать всю домашку, если не хочу слететь по оценкам к концу выпускного года, поест, а после отправляться на идиотские работы для несовершеннолетних нарушителей.

Я же это вижу, как клетка для преступников.

Тэд с барского плеча забегает ко мне и предлагает сегодня проводить и в ту сторону тоже. Когда я узнаю, что ради этого он пропускает начало тренировки, то проникаюсь к нему и предлагаю даже съесть мороженого, пока есть время, а ма-

мы дома нет. Мы перекусываем, после чего отправляемся по нужному адресу.

Едва ко мне подходит наш куратор (хотя уверена, здесь это называется скорее надзиратель), Тэд машет мне ручкой и ретируется на тренировку так, что пятки сверкают. Я пять минут выслушиваю, что здесь мне должно искупить свои нарушения и прочую белиберду, после чего он дает мне метлу и отправляет вместе с остальными мести тротуары.

Прямо, где люди. Проклятье..

Я замечаю, что среди «моей» компашки все возраста от 14-ти до 18-ти. Причем, в основном парни. Если и вижу в рядах девчонок, то обычно стриженные под ирокез, или же с фингалами и синяками. Короче, больше похожие на пацанов.

Я оказываюсь едва ли не единственной здесь девушкой-девушкой. Конечно, за остальных платят штрафы или они в принципе не ввязываются в такое, за что их могут сюда кинуть. Парни быстро бросают на меня косые взгляды, когда я вдруг слышу справа от себя насмешливый голос:

– Ну надо же, какие лица. Теперь за А без + тоже гонят отрабатывать? Какой кошмар.

Его голос буквально сочится сарказмом, а пара парней рядом сдавленно гогочут.

Так с Сантино Рамосом судьба нас сводит второй раз.

Вначале я даже опешиваю. Кто из здешних придурков может меня знать, чтобы так болтать об А с плюсом? И даже обернувшись, не сразу узнаю Сантино, что стоит в ярде от меня, облокотившись на ручку своей метлы, поглядывая на меня с каким-то небрежным любопытством.

Его голос стал ниже, сам он выше, сильнее проступили скулы на его и без того остром лице. Писанным красавцем он так и не стал (хотя это и так было понятно еще два года назад), но теперь точно уже был на голову выше меня.

Не знаю, зачем он обратился ко мне. Может, чтобы покичиться перед своими дружками, что знает такую «цыпочку». Хотя, зная Сантино, скорее всего просто хочет слегка поиздеваться. Может, отчасти ему и правда любопытно, как отличницу загнали на исправительные работы. Не знаю, но факт остается фактом – он не просто узнал меня, но дал об этом знать и мне.

Да, инциденту с 5ью баксами уже минуло два года и бывшее негодование на него давно выветрилось, будто испорченные воздух. Я все еще помню, что он его испортил, но уже не испытываю бывшего раздражения.

Удивленно вскидываю брови, увидев знакомое лицо:

– О, Сантино.. – бормочу я.

– Ага – он усмехается и переглядывается со своими дружками, но не подходит ко мне, все еще опираясь на свою метлу – так и за что сюда садят пай-девочек теперь? Нам, кстати,

ждать нового поступления?

Я закатываю глаза и показываю средний палец. Да, за 5 баксов на него у меня обиды уже нет, но и общаться желанием с ним не горю. Помню, кто он такой, что из себя представляет и что, судя по тому что он отирается здесь – ни капли не изменил свой образ жизни.

Он поворачивается к друзьям, поднеся метлу ко рту, словно микрофон, и насмешливо говорит:

– Спешу представить вам человека, благодаря которому я получил первую и единственную в своей жизни А+! – он демонстративно оборачивается и толкает ручку метлы к моему рту, точно микрофон – кстати как тебя зовут, помощница?

Я с отвращением отпихиваю грязную метлу и смеряю его уничижительным взглядом. Не позволю всякому преступному отродью делать из меня посмешище здесь. Да, один факт того, что я тут вместе с ними мету дороги – уже посмешище, но ниже падать я не собираюсь.

Его дружки гогочут, и он ловко возвращает наконечник метлы в свою сторону:

– Дадим ей время, господа, девочка-с-дневником еще не сжилась с мыслью о своей участи.

– Зато ты, я смотрю, уже здесь обжился – фыркаю я в ответ, усиленно начав мести дорогу.

Это очевидно. Он уже обзавелся местной шайкой, и ведет себя, словно дома, а не на исправительных работах, что уж точно не делает ему чести.

– Ага – хмыкает он, не стыдясь – провожу здесь времени больше, чем дома.

– О, это несомненно повод для гордости – язвительно бросаю я.

Его дружки замолкают. Видимо, я переступила означенную черту. Черт, ссориться с Сантино на его территории – не лучшая стратегия. Однако, сам Рамос, судя по всему, не берет мою реплику на свой счет:

– Лучше расскажи о *своей* гордости – ехидно парирует он – за что тебя сюда направили? Давай же, поведай дядюшке Сантино о единственном достойном поступке в своей жизни.

Я бросаю на него повторно неприязненный взгляд, после чего отхожу к другой группе и мету вместе с ними. Слава богу, он не цепляется за мной.

Остальные тоже весьма задиристые, но не лезут ко мне прямо или не пытаются как-то поддеть, взять на слабо и так далее. Одна девчонка, конечно, с выбритым виском пыталась объяснить мне, чтобы я знала свое место. Я лишь кивнула в ответ, надеясь, что этот Франкенштейн поймет, что я не претендую ни на что в этом хлеву, а лишь отрабатываю свои злосчастные 80 часов.

Кажется, девица это понимает, потому что глядит на меня, точно на жалкую плесень, после чего хмыкает от отваливает. Да уж, повезло вляпаться так повезло, нечего сказать.

Ближе к семи приходит, как и обещала, Кэти. Она в своем розовом топе и драных джинсах, с ярко-накрашенными гу-

бами смотрится здесь еще неуместнее, чем я. Парни принимают её похабно свистеть, на что она лишь кривится и машет перед их лицами средним пальцем, совершенно не опасаясь за свою конечность. Конечно, с чего бы – ведь за ней так же пристально следит и наш куратор, хотя ему уже под сорокет.

Она достаёт из своей сумочки пару пончиков и мы садимся с ней на бордюр. Хорошо, хоть мне не напоминают, что я здесь не для отдыха, и пять минут мы можем спокойно поесть.

Однако, бывшего одноклассника Кэти замечает сразу:

– Это Рамос? – вскидывает она бровь, когда он уже при нас начинает лаяться с каким-то парнем. Бедняга жмётся от него и вытягивает метлу вперёд, словно пытаясь защититься от злого бездомного пса. Куратор же на это никак не реагирует.

– Ага – бурчу я – мне везет фантастически.

– Видимо, не сильнее, чем ему – смеется она – я была уверена, что он уже либо спился, либо сторчался.

– Не скажу, что ушел далеко, если отирается здесь.

– Ну да – жмет она плечами.

Собственно, больше о Сантино нам сказать нечего. Кэти любит обсуждать парней если они красотки или популярны, а в любом другом случае темы на их счет быстро иссякают. Она вновь заливается о том, как ей жаль, что я теперь здесь застряла до конца апреля, и что Бреду тоже жаль. Говорю о том, что хотя бы Тэд будет провожать меня каждый день, и

Кэти подхватывает тему, говоря, какой у меня Тэд молодец.

Когда я закидываю последнюю крошку пончика в рот, Рамос наконец отпихивает метлу и кидается на того паренька. Все, словно в цирке, тут же начинают улюлюкать, встав полукругом – и тогда уже вмешивается недовольный куратор. Берет дубинку и дважды бьет куда-то в центр кучи. Рамосу приходится отвязаться от парнишки, что-то раздраженно бурча под нос. Он даже вроде как наступает на куратора, но когда тот уже на него замахивается дубинкой – отходит к своим, злобно сверкая глазами.

Парень тоже поднимается, держится за разбитый нос и вновь берется за метлу. Бедняга, за что он его так?

Пронаблюдав все это со свойственным ей интересом к дракам, Кэти лишь жмет плечами и усмехается:

– Да, что-то в этом мире никогда не меняется. Зато у тебя тут весело.

– Ага, если меня не заметут в одну из таких драк – бурчу я – одна девка уже пыталась мне тут что-то доказать.

Кэти дурачливо распихивает глаза, словно «о боже мой» и смеется. Чмокает меня в щеку и мы прощаемся до завтрашнего дня в школе. Остаток дня меня никто не трогает, а к вечеру, как и обещал, приходит Тэд.

От меня не ускользает, как большинство девчонок одаряют его таким же взглядом, как поначалу меня парни. Тут же ловлю на себя и взгляд Сантино. Удивленный. Думаю, он и предположить не мог, что девчонка типо меня, какой он ме-

ня помнил, вообще может обзавестись парнем, не говоря уже о таком, как Тэд.

Чтобы утереть нос всем и сразу, нарочно целую Тэда у них на глазах, и лишь потом ухожу с ним в нужную сторону.

-4-

Однако, все последующие дни не отличаются особым весельем и какой-то необыкновенностью. Уже к концу недели я привыкаю к заданному мне распорядку. Школа, домашнее задание, домашнее наказание, исправительные работы, сон. В конце концов, практически то же самое (исключая работы) было у меня в Канаде на протяжении 15-ти лет, так что особого труда не стоит вновь включиться в давний график.

Конечно, не так я представляла себе последние месяца выпускного класса. Теперь у меня даже на Тэда время есть только на выходных. На буднях мы с ним видимся, только когда он меня встречает после работ. Вначале он почти каждый день и провожал меня туда, но вскоре тренировки увеличились, как он сказал.

Ничего не изменилось и на самих работах. Слава богу, ко мне больше никто не цеплялся не из девчонок, не из парней, потому я просто оттарабнивала свои 4 часа метлой, в относительном спокойствии. Единственным беспокойным моментом был второй день, когда Сантино каким-то макарон все-таки вызнал, за что именно меня сюда отправили. Хотя,

впрочем, в этом и не было большой тайны.

– Я-то считал тебя совсем пропащей – заявил он тогда, насмешливо скалясь и изучая мое лицо, будто ожидая реакции, очевидно, захотев сегодня со мной поцапаться – но ты оказывается умеешь веселиться.

Побить человека – это веселье? Я лишь закатываю глаза и продолжаю мести. Однако, он не унимается, вновь облокотившись на ручку метлы, словно стриптизер на жезл:

– Говорят, ты разодрала ей морду, а она теперь всем рассказывает, что ее подрала кошка дома.

– Не ври – бросаю я. Даже я этого не знаю, а та девчонка из школы «среднего» класса. Он и увидеть-то ее никогда не сможет, не то, что узнать, что она там рассказывает.

– Может быть –невозмутимо соглашается он – но версии в основном у всех девчонок в таких случаях одинаковы.

Я смотрю на ту девку с синим ирокезом, что хотела выяснить со мной по поводу территории этой клоаки:

– Ясно – сухо заявляю я, ставя точку в разговоре.

– Ты конечно зануда – бросает Рамос небрежно – но в тебе точно есть потенциал. Ходи на баскетбол чаще, спорт это жизнь – добавляет он саркастично, даже не пытаясь скрыть ухмылки.

Я кривлюсь и продолжаю работать метлой.

Божечки, как же приятно быть признанной будущими преступниками! Они признали меня способной – вот же честь! Тот путь, на который я рассчитывала всю жизнь.

Подмечаю все, что он сказал – чтобы ни боже упаси не повторить ничего из этого. Не бросаться больше на людей, а главное не ходить больше на баскетбол. Если выиграют – пусть Тэд сразу зовет меня в ресторан. Хватит с меня трибун и Кэти, которая бросается на амбразуру в первых рядах.

Но это единственный инцидент, а так я работаю молча, и главным развлечением (после того, как Кэти перестала заявляться с пончиками уже через пару дней) оказывается приход за мной Тэда вечером. Однако, уже к середине апреля и это меняется.

У них намечается к концу месяца новый матч, тренировки увеличивают, и вначале он приходит через день, а потом заявляет, что не сможет меня больше забирать. Потому что мои часы накладываются на конец тренировки, а если он каждый день будет с них уходить, то тренер рано или поздно заменит его на «менее занятого». Но зато он заявил, что просто уверен, что меня никто не тронет, и тем более с каждым днем вроде становится светлее.

Как хорошо, что он уверен, аж легче стало!

На самом деле, опасности и правда никакой. Мой дом в паре кварталов от нашей нынешней локации, и на улице и правда не так темно, что глаз выколи. Если честно, по большей части я была рада его провожаниям, чтобы не ходить одной, да и вообще проводить время вместе.

Но нет так нет. Маньяков я не опасаюсь, а если что умею отлично орудовать металлической связкой ключей, как нун-

чаками.

К тому дню я уже отрабатываю практически половину из своего 80-ти часового срока. Впрочем, контингент шибко не меняется – интересно, сколько часов работы у этих ребят, если они уже были, когда я здесь появилась, и все еще продолжают тут быть?

Это была пятница, и я уже планировала выпросить у мамы на завтра послабления в виде отсутствия работ по дому. Мы договорились с Кэти встретится, и даже если мама откажет, я все равно выберусь на прогулку, когда она будет на работе. Не собираюсь тухнуть весь день дома. Пусть к четырем мне все равно надо будет на долбанную исправительную колонию, но хотя бы это время от школы до нее я потусуюсь. Вроде на этот промежуток даже тренировок нет, так что Бред с Тэдом к нам присоединяться. Хоть отдохну по-человечески впервые за две недели.

Дело клонится к семи, и я уже думаю о том, как очень скоро окажусь дома. Последний час самый ленивый – все едва заметно машут метлами, а уставший куратор делает вид, что не видит этого, после чего зачастую даже минут на 10-15 раньше распускает по домам.

Однако, когда я догребаяю на одной стороне и перехожу на другую, то вижу чью-то тень позади. Она остановилась и я понимаю, что кто-то из ребят встал сзади. Зная, что это за ребята – начало мне не нравится.

Оборачиваюсь и вижу широкого бугая, как шкаф. Два на

два и все в комплекте. Голова побрита почти под единицу – короче, уже укомплектован на зону, осталось только отправить. Здесь только несовершеннолетние, но глядя на него, закрадываются подозрения, но ему не меньше 25.

– Привет – мерзко скалится он – я Пит.

– Анжела – бурчу я, надеясь очень тактично и без проблем отвязаться от этого идиота. Вновь склоняясь с метлой, но он поворачивает меня к себе за руку.

– Убери руки – предупреждаю я, стараясь говорить сдержанно, и не поддаваться эмоциям, которые диктуют мне уже ткнуть ему палкой метлы в промежность.

Мне еще с ним работать две недели.

– Что такое, крошка? – продолжает улыбаться он – я всего лишь хочу познакомиться.

– Я не хочу знакомиться – отрезаю я и добавляю, словно одного моего нежелания мало – у меня есть парень. Ты его видел.

– А, та девочка с обложек про баскетбол – смеется он и сплевывает себе под ноги, от чего меня коробит в отвращении – ну ладно, парень и парень. Но с тобой должен быть мужчина.

– Тэд меня устраивает – все еще пытаюсь не разжигать конфликт – мне надо убираться.

– Да брось – он вновь берет меня за руку, и я вновь отмахиваюсь – сегодня такая темнотища. Твой *парень* – смеется он, делая акцент на последнем слове – опять за тобой не

придет? Что-то он не часто тут околачивается в последнюю неделю.

Черт. Не знала, что они обратят на это внимание. Теперь мне становится даже немного страшно. Он уже не просто лезет ко мне, а едва ли не прямым текстом намекает, что в курсе о том, что иду я домой сама и все в этом роде. А учитывая, что он тусуется здесь – закон ему не писан.

Чем на самом деле был обоснован его интерес, я узнаю лишь многим и многим позже.

– Сегодня придет – лгу я. Я бы уже решила и правда позвонить Тэду и потребовать явиться хоть трава не расти, но уже семь, у них началась тренировка, а мобильники они всегда оставляют в раздевалке.

– А я уверен, что нет – скалится он – так ты..

– Слыш, остынь – Сантино со скукой толкает парня в плечо – что привязался к нашей монашке?

– Отвали, Рамос – отмахивается тот – не мешай мне разговаривать с девчонкой.

– Мы не разговариваем – тут же выпаливаю я – он ко мне пристал и угрожает прицепиться за мной.

Не знаю, зачем я это говорю. Но мне кажется, что Сантино достаточно уважаем в этой клоаке и если кто и может мне помочь отделаться от этого «Пита», то только он. Тем более, условия мне знакомы еще со школы – услуга за услугу. Конечно, больше я ему с А+ вряд ли смогу помочь, но могу поместить за него метлой или типо того.

Мгновение, Сантино, кажется раздумывает, а Пит в это время раздраженно бросает мне, но говорит Рамосу:

– Иди дальше, Сантино. Девчонка все не так поняла, я ей объясню.

– Остынь – уже более сухо бросает ему Рамос – и вали-ка сам.

Пит резко оборачивается и испепеляет взглядом Рамоса, кажется, готовый навалить ему, ну или по крайней мере хорошо подраться. Сантино, как бы небрежно и даже скучающе глядит направо, где собралась кучка его приятелей, которые напряженно следят за происходящим.

Неозвученная, но вполне доступная угроза, доходит до скудного ума Пита. Он что-то цедит Рамосу на ухо, но уходит. Однако, выражение лица Сантино не меняется, словно ему просто пожелали приятного аппетита или типо того. Я шумно выдыхаю:

– Спасибо.

– Сочтемся – ожидаемо бросает он, все еще глядя в след Питу, после чего оборачивается ко мне – я тебя провожу.

– Спасибо, но не стоит – говорю я. Это уже перебор, не хочу погрязть в долгах перед человеком, который не покуситься на желания.

– Считай бонусом – хмыкает он, и кивает в сторону спины Пита – он все равно увяжется за тобой.

Помощь Сантино всегда подразумевает под собой двойное дно, а иногда и тройное и бездну, потому я настаиваю

на своем:

– Нет, спасибо. Это правда не обязательно.

Хотя в душе и сама подозреваю, что Пит может увязаться за мной, только теперь еще и взбешенный.

– Уверена? – равнодушно спрашивает он – окей.

Когда он уже оборачивается, чтобы идти обратно, страх все-таки одерживает верх. Особенно когда Пит оборачивается, словно поняв что говорят о нем, и одаривает меня уже испепеляющим взглядом.

– Стой, подожди!

Сантино неохотно поворачивается обратно:

– Ну?

– Если.. если это бонус – говорю я, не забыв напомнить о том, что отдельно за это я ему ничего не должна – то было бы.. любезно с твоей стороны.

Он хмыкает, счев это слово, видимо, забавным или смешным, после чего жмет плечами:

– Окей.

– Спасибо.

– Сочтемся – напоминает он, и я не знаю, как это реагировать. Он напоминает про тот же долг, или уже передумал, поняв мою потребность, и теперь собирается брать еще и за это?

В любом случае, выбора у меня нет. Тэд встретить не может, они с Бредом на тренировке без сотовых. Других знакомых парней у меня нет, а с Сантино меня Пит точно не

тронет.

До конца последнего часа я стараюсь мести метлой по-дальше от Пита, а тот нарочно на меня не нарывается. Когда куратор нас распускает, я сама подхожу к Сантино. Потому что тот уже закурил сигарету со своими дружками и, кажется, позабыл о своем широком обещании.

Что только подтверждается, когда я встаю рядом и он обращивается ко мне, беззвучно чертыхнувшись:

– Точно, ты же еще.

Звучит даже оскорбительно, но плевать. Сантино никогда не отличался тактом, а мне на это по большому счету плевать. Пусть просто проводит меня, и не попросит взамен спереть алмаз с пальца королевы Елизаветы.

Мне приходится ждать, пока он неспешно докурит сигарету, болтая с друзьями. После чего тушит ее.

– Ждем тебя – бросает ему один из них. Видимо, где и когда они уже обговорили ранее.

Сантино кивает ему, после чего говорит мне:

– Ну веди, где ты там живешь.

Точно, он же не знает. Я киваю и мы идем. Замечаю, что Пит будто нарочно задерживается, потому что тоже все еще не ушел. Рамос одаривает его внушительным взглядом, как бы показывая, что на сегодня лужайка прикрыта.

Пол пути мы проходим молча, но вскоре беспокойство начинает утихать. Пит вроде за нами не увязывается, и теперь мои опасения на этот счет кажутся идиотскими. Хотя, оче-

видно, что не увязался он только из-за того, что я залезла в долги перед Рамосом.

– А как тебя, реально-то зовут? – спрашивает он на очередном перекрестке, нарушив тишину. Сигарета появляется у него во рту словно из неоткуда. Я даже не слышала, чтобы щелкала зажигалка.

– Знаешь, за что я здесь, но не знаешь имени?

– Ну – ухмыляется он – это не так интересно, как причина за которую ты загремела к нам.

– Анжела – дергаю плечами.

– Для друзей Анжи? – уточняет он.

– Типо того.

– Ну ладно, *Анжела* – Сантино нарочно произносит имя целиком. Может, я вижу подвох уже в каждой его фразе, но такое чувство что этим он еще раз напоминает, что мы не друзья и не приятели, и что за каждый шаг его помощи я ему должна, должна, должна и обязана. И он свой долг возьмет, как и в школе.

– А что твой парень? – вновь спрашивает он скучающе, словно пытаясь хоть как-то развлечься по мере пути – больше к нам не заходит.

– Увидел вас и испугался – язвлю я, закатив глаза – особенно ту девчонку с ирокезом. Только пятки и сверкали.

Сантино глухо смеется.

– Кстати, а ты здесь за что? Понимаю, поводов много, но что на этот раз?

– Все вместе – неопределенно отмахивается он, после чего косится на меня и довольный произведенным эффектом любопытства, скалится – хотел взять займы пару баксов из кассы уол-марта.

– Ты пытался ограбить магазин? – ужасаюсь я.

– Воу, воу – оскорбленно хмурится он – легче на поворотах.

–Извини – тушуюсь я – просто мне показалось..

– Что значит пытался? – хмыкает он и вновь самодовольно ухмыляется – мы его ограбили, просто нас быстро нашли.

– Тебе повезло, что не посадили.

– Нет.

– Не повезло?

– Ага, это было рассчитано. Для несовершеннолетних меньше 50 баксов краденого – это не уголовка. Я никогда не беру больше, на такие вот случаи.

– Зачем вообще красть? – хмурюсь я.

– Этого не понять, если есть деньги – он дергает правым уголком рта – хотя, судя по всему, у тебя их тоже нет. За твой косяк достаточно заплатить сотку штрафа.

– У нас есть сотка – обороняюсь я – просто мама.. решила поиграть в воспитателя.

Сантино хмыкает:

– Веселая семейка. И папаша согласился?

– У него никто не спрашивал.

Он смотрит на меня, ожидая продолжения. Не понимаю

вообще, как мы умудрились с темы имени зайти на моего отца, но все равно отвечаю. Из-за постоянной занятости, у меня заметно срезалось время общения, и я не прочь поболтать сейчас, пусть и с таким, как Сантино:

– Предки развелись, поэтому мы сюда и переехали. Но не спешите меня жалеть, я в восторге от этого.

– И не собирался – усмехается он.

Ну да, о чем я.

– В любом случае, теперь уже два года дома никто не орет друг на друга и не собачится.

– Аналогичная ситуация.

– Я видела твоего отца – хмурюсь я.

– У меня в закат свалила моя любвеобильная мамаша – бросает он небрежно под дым сигареты – дернула за лучшей жизнью с любовничком. Я на счет этого дерьма того же мнения – добавляет Рамос – скатертью дорога, без нее и проще.

Он говорит об этом, как о совершенно неважном. Кажется, для него эта тема, как и для меня, аналогично рассказу о покупке буханке хлеба. Лишь бы чем занять время, пока идем.

Так мы болтаем ни о чем еще минут пятнадцать, пока не появляется мой дом. Разговор получается часто нескладным и грубоватым – он не ищет моего расположения, а я не скрываю, что о нем думаю.

Едва я показываю ему на крышу своего дома, Рамос «отсальтовывает» мне и молча удаляется, не попрощавшись.

Я равнодушно хмыкаю и захожу в дом. Главное, что теперь я дома и никакой Пит за мной не увязался. Остается лишь ожидать момента, когда Сантино сообщит, какова же будет моя плата за его помощь.

Глава 3.

-1-

Едва переступив порог, я перекусываю на скорую руку. Мама еще на работе – да и вообще после переезда с Канады я позабыла о больших вкусных обедах. Сэндвичи да по выходным курица – в остальные дни разморозка и все такое. Если сравнивать *«разморозку и относительную свободу»* с *«шикарными обедами и тотальным контролем»*, то уж точно я выбираю первое.

А едва я поканчиваю с этим, как хватаю в руки мобильник, решив прочистить мозги сразу обоим. По первой конечно Тэду – о нет, я не прошу его провожать меня теперь и так далее. Все еще видя перед собой мерзкую морду Пита, которую я увижу и завтра – я буквально требую его провожать меня каждый день до дома, пока не закончатся эти треклятые отработки, или мы расстаемся. Понятное дело, мы бы не расстались, даже если бы он отказался, но так для него звучало куда как грознее, чем обычная просьба и жалобы. Когда он соглашается (на удивление быстро), заявив, что еще покажет этих придуркам что значит трогать меня, я немного остываю. Так или иначе, Тэд согласился еще две недели прогуливать конец тренировок и даже не ныл на этот счет. Напротив, оживился и стал эдаким рыцарем из старых времен.

После него перешла очередь к Кэт. Ей повезло больше – смягченная Тэдом, я уже без эмоций поставила ее перед фактом. Мол, обещала являться каждый день, а в итоге уже неделю не вижу не ее, не ее пончиков. Подруга на удивление меня тоже порадовала – тут же повинулась, извинилась, и все такое. Заверила, что будет вновь ходить ко мне каждый день в компании пончиков, хоть толком и не объяснила, почему перестала ходить на этой неделе.

В общем, когда через полтора часа обзвон и надира-ние задниц было закончено, я осталась довольна. Тэд вновь встречает меня каждый день после отработки, а значит никакие Питы мне теперь не нужны, и в долги перед Сантино я тоже больше не залезаю. Еще и Кэти будет приходить – отдушина в середине этих четыре часов. Того и гляди, эти оставшиеся две недели не станут такими уж адскими.

Вечером я, как и планировала, отпрашиваюсь у мамы погулять завтра с Кэти после школы до исправительных работ. Уму непостижимо! Мне 17 лет, мне полтора месяца до окончания школы, а я как к третьем классе отпрашиваюсь у нее погулять! И только из-за того, что подралась с кем-то на поле. Ну точнее, расцарапала кому-то лицо на поле.

Я уже готовлюсь к отрицательному ответу и тому, что все равно уболтаюсь завтра с подругой, но мама на удивление соглашается. Хотя я и не спрашиваю причин, она сама их оглашает – мол, так и так, я радую ее своей благоразумностью, школьными результатами (которые не упали даже при

наличии работ) и вообще-то теперь они верит мне, что это была случайность и в принципе я совсем себя так не вижу.

Отлично, мам, если бы ты поверила раньше – мне бы не пришлось околачиваться с этими уголовщинами, подметая тротуары, на которых не сегодня, так завтра могу встретить своих знакомых.

Поэтому на следующий день после школы мы, наконец-то, все вчетвером как и предполагалось, шаримся по городу, оттягиваемся. Мальчики покупают нам вату и мы ухойдокиваемся в ней с ног до головы. В итоге я даже не могу различить, что такое жую – вату или все-таки собственные светлые волосы. Тед с Бредом смеются, и я решаю, что это отличный день.

Когда я собираюсь уже на исправительные работы, которым подошел час, то совершенно не ожидаю, что Тед решит меня проводить, пропустив начало тренировки. Более того, совершенной неожиданностью становится то, что и Бред решает составить нам компанию.

– Научим этого ублюдка вежливости – объясняет Тэд.

Я тут же теряюсь. О боже мой, он не понимает, с кем идет на конфликт.

– Тед, не надо – говорю я – он довольно.. большой.

– Поэтому я и иду с вами – невозмутимо вмешивается Бред – ну и на тот случай, если за него вдруг впишутся дружки.

– Вы не понимаете – продолжаю я – они.. неблагополуч-

ные. Подстерегут вас потом где-нибудь да бутылку об голову разобьют.

– Детка – Тед пафосно сжимает руку, показывая бицепс, Бред со смешком делает то же самое – эти придурки нам не по чем. Или ты думаешь, я оставлю просто так, что какой-то урод лез к моей девушке?

Да уж, не такого я ожидала.

– Мне еще с ними две недели работать – пробую я последний аргумент, когда неожиданно вмешивается Кэти.

– Вот и отлично – кивает она со свойственной ей безбашенной воинственностью – значит эти две недели с тебя там будут пылинки сдувать. А если с ними не разобраться – то этот хрен пристанет и сегодня. У мужиков все одним местом.

Они кивает ниже, и Тед с Бредом раздражаются смехом, не то высмеивая ее заключение, то ли наоборот целиком с ним соглашаясь. Так или иначе – шансов отговорить теперь их втроем у меня точно нет.

Остается лишь надеяться, что все пройдет хотя бы нормально. Что Пит не попытается накинуться, что его дружки, похватав метлы или достав из-за пазух ножи, не набросятся следом. Или что, даже если это все произойдет – куратор вовремя разнимет их нафиг, не позволив никого покалечить.

Собственно, целостность Пита меня мало волнует, но я совершенно не хочу, чтобы пострадали Тэд с Бредом. Надеюсь, у Кэти хватит ума не лезть туда третьей.

Однако, не могу не признать, что где-то в глубине моей

эгоистичной души, мне очень даже лестно, что Тэд с такой бравадой встал на защиту моей чести. Я ожидала, что еще вчера он начнет канючить и напоминать, что у него тренировки – но он заставляет собой восхищаться.

Когда мы подходим к нашей локации, куратор скептически оглядывает мою группу поддержки. Кивает на метлу, и я тут же хватаю ее, чуть не дав ручкой себе по челюсти. Девчонка с ирокезом фыркает, но не отводит глаз от Теда с Бредом. Я смотрю на Пита.

– Какой ублюдок вчера приставал к моей девчонке? – Тед выходит вперед сначала один.

Все тут же перестают мести. Ожидаю, что куратор вмешается – но этому мужику, судя по всему, самому осточертело сидеть тут каждый день, наблюдая одно и то же. Очевидно, он не против как-нибудь поразвлечь себя, потому не мешает созреть конфликту, делая вид, что ничего не видит и не слышит.

Пара парней усмехается, с любопытством глядя на Тэда. Пит поворачивается и угрожающе делает шаг вперед:

– А, наша девочка наконец пришла – но говорит он это не мне.

Смотрю на Сантино – он равнодушно устроился на бордюре, наблюдая за происходящим, словно за цирком. Кто-то из его дружков что-то ему говорит. Рамос вытягивает мятую купюру и дает одному из них. Судя по тому, что такое же тихо продолжается между остальными – это какой-то..

Тотализатор? Они что, организовали тотализатор на то, кто выиграет? Боже мой, дикий мир. Нет, чтобы попытаться разнять их, не допустить конфликта, как то сделали бы друзья Тэда и Бреда, они с любопытством наблюдают за происходящим и делают ставки. Думаю, даже если Пита отлапатыт – они огорчатся лишь тому, что проиграли свои деньги.

Потому что очевидно, что все они ставят на Пита. Хотя, некоторые дают мелочь, подумав. Может, берут в расчет Бреда, стоящего в стороне в позе ожидания.

Болтовни между Тэдом и Питом завязывается немного. По большей части говорит Тэд, вернее обвиняет и угрожает, а Пит на каждое его слово просто подходит на шаг ближе. Кажется, он не собирается оправдываться, молить о пощаде или заверять, что такого больше не случится. Хотя так было бы лучше для всех, но я сразу знала, что Пит не из таких.

Даже если он огребет, во что верится с трудом, сомневаюсь – что признает свою вину и пообещает исправиться.

Когда становится понятно, что драки не избежать, а Тед при всех своих мускулах, на голову ниже Пита – вперед выходит Бред. Но стоит ему сделать эту оплошность – как позади Пита тут же появляется свора его дружков. Ставки начинают делать активнее и уже по второму кругу.

Я не замечаю, как сильно сжимаю палку метлы, пока мои пальцы не начинают костенеть. Разжимаю и смотрю, что будет. А что я могу сделать? Все, что могла – пыталась сделать по дороге, но он и слушать меня не захотел. Вряд ли послу-

шает теперь, стоя в центре, и просто уйдет, выставив себя, как они это называют, слабаком.

Да и Бред не уйдет.

Ох, проклятье. Кэт подходит ко мне и кивает на бордюр, где уже сидит не только Сантино:

– Они что, ставки делают? – но вижу в ее глазах настоящий азарт. Конечно, для Кэти это развлечение, даже если в этом участвует ее парень.

– Кэти.. – закатываю я глаза.

– Я поставлю на Бреда – заявляет она и тянет меня за руку в самый центр.

Когда мы останавливаемся в паре шагов от своры, они озадаченно поднимают на нас глаза. Конечно, мы загородили им обзор и вообще непонятно, какого фига тут встали. Но Кэти миролюбиво протягивает пять баксов:

– Мы хотим поставить на Бреда.

Едва они понимают, для чего мы подошли, как тут же оголтело улюлюкают и даже на губах Сантино вроде как пробегает одобрительная ухмылка. Конечно, они рады, что мы ввязались в их дикий тотализатор, поддерживая веселье. Точнее, Кэти ввязалась. Понятия не имею, какого черта она сказала «мы».

Так или иначе, деньги принимаются, а нас не прогоняют, потому мы садимся на свободный край бордюра. Я точно не собираюсь лезть, даже если мальчишки начнут огребать, но вот на счет Кэти, которая первой ринулась с трибуны на по-

ле, такой уверенности нет. Только здесь не поле – ей назвякают и глазом не моргнут, что она девчонка.

Наконец, неминуемо начинается драка. Первым бьет Тед и даже попадет по челюсти Пита, но тут же огребает по носу. В следующее мгновение шесть фигур (трое вместе с Питом, да Тэд с Бредом) смешиваются в один ком. Я не замечаю, как начинаю грызть ногти:

– Это не честно – говорю я растерянно – четверо на двоих!

– Они сами нарвались – хмыкает парень справа от меня – сами пришли к нам, такие петухи, начали угрожать. Не парень у тебя, детка, а какой-то долбоклюй.

Хочу уже бросить ему, чтобы закрыл свой рот, но боюсь что создам Тэду еще большие неприятности. Наконец, куратор считаем своим долгом, насмотревшись, разогнать эту кучу пятью смачными ударами дубинки куда-то по ним, и не по кому конкретно.

Наконец, куча распадается опять на шесть отдельных человек. С первого взгляда становится очевидным то, что никто и не ожидал. Несмотря на численный перевес, шайка Пита и наши отхватили примерно равно. Конечно, у Пита дружков было больше, и сам он крупнее – но Тэд с Бредом профессиональные спортсмены. У них молниеносные реакции, и каменные, пусть и не огромные, мышцы. Потому нельзя сказать, кто в данный момент проиграл.

Кажется, это понимают и придурки, что устроили ставки. Не могут поделить – мнения расходятся. Видимо, все-таки

не все ставили на Пита.

– Пошли вон – гонит, наконец, Тэда и Бреда куратор, когда они вновь пытаются ввязаться в драку – пошли, на хрен, вон. Устроили тут. Убирайтесь.

Он сверкает глазами в мою сторону и машет дубинкой, как бы говоря, что в следующий раз провокатор отхватит наравне с нарушителями. Знал бы он, что этого я совсем не хотела. Хотела просто, чтобы Тэд вновь провожал меня вечером до дома.

– Очевидно, что наши выиграла! – вскакивает Кэти, обращаясь к парням – давайте мне деньги.

– Ага – фыркает тот, что покрепче – с чего-то выиграла? Они вон, угондошились обратно.

– Потому что мужик их прогнал – не отступает моя боевая подруга. Те немногие, кто тоже ставили на Теда с Бредом, поддерживают ее. Зато те, кто ставили на Пита с его шайкой (и их большинство) тут же орут против.

В итоге, чтобы не случилась еще более масштабная потасовка уже исключительно из-за ставок на прежнюю потасовку, принято просто всем раздать поставленные деньги из-за неопределенного результата. Конечно, они бы скорее подрались – но куратор вновь начал похлопывать дубинкой. Думаю, если бы они сцепились, отрабатывающих еще бы и нагрели сверхзаданиями до конца дня. Мести тротуары руками, становится пешеходным переходом или что-нибудь в этом роде.

Забрав свои деньги, Кэти целует меня в щеку. Я заявляю, что сегодня она может не приходить, но завтра пусть принесет пончиков за два дня. Она смеется и обещает это. Я раздумываю, получится ли у нас встретиться завтра до работ (благо, воскресенье, и школы не будет), но не уверена. Все-таки, надо будет с утра сделать домашку на понедельник.

Я и так сегодня ей не занималась. Вообще ничем не занималась, если быть откровенной.

Когда Кэти уходит и мы все вновь начинаем мести, я все ожидаю, что ко мне подойдет Пит. Уже более злой, скажет что-нибудь по типу «болтливая шлюха» или что-нибудь в этом роде, и опять примется за свое. Но на удивление, Пит ведет себя так, будто ничего не произошло. Ни вчера, ни сегодня. Вообще игнорирует меня.

Как-то даже странно. Я весь день ожидаю от него подвоха, но когда нас распускают, он первым уходит. Я обнимаю пришедшего Теда и спрашиваю, не сильно ли ему досталось днем, и не сильно ли досталось от тренера, что он ушел раньше нужного. Он заявляет, что повезло и сегодня тренировка сама закончилась чуть раньше, потому ему не пришлось уходить.

В честь субботы и в принципе в честь того, что нам выпал один из немногих дней за последнюю неделю, провести время вместе – мы идем в кафе, а потом в кино. Сразу два в одном. Видимо, предки Тэда добрые, раз дали ему сразу денег на оба мероприятия. А может, он просто скопил, поскольку

две недели уже никуда меня не водил.

Так или иначе, домой я возвращаюсь опять с цветами (купил мне на обратной дороге), счастливая, и если бы накрашила губы – то была бы с размазанной помадой. Мама замечает это, улыбается и глядя на цветы, уже в который раз говорит, что ей нравится этот парень, кем бы он ни был, после чего неожиданно добавляет:

– Кстати, может ты нас уже познакомишь?

Я уклончиво закусываю губу. Не уверена, что готова к столь серьезному шагу. Хотя, с другой стороны, почему нет? Тэд уж точно впечатлит маму сильнее, чем его цветы. Он со всех сторон положительный (почти со всех), а значит переживать не о чем.

Однако не хочу устраивать типичные идиотские обеды, где мне надо приводить парня в дом, а там уже за столом сидит мама. Где на столе еды, как на три дня рождения, она одета, как на свадьбу, накрашена, как на юбилей – и при этом заявляет «ой, вы бы предупредили, а то я совсем не готовилась, вот пообедать села..» и два часа все подыгрывают этому сценарию.

Глупость и идиотизм. Только не так.

Потому отвечаю:

– Я иду с ним на выпускной. Там вас и познакомлю.

Там и мама будет при параде, как и хочет, и не надо будет играть, что это «случайно» и «обычная одежда, в которой ее застали врасплох». Тэд сможет сделать ей комплимент, и

мама ответит благодарностью. Надо будет сказать ему – пусть возьмет с собой цветы. Ее любимые розы – если он вручит ей их, она просто сойдет с ума от восторга.

– Но до выпускного еще два месяца, детка – ворчливо общается мама.

– Пролетят, не заметишь – говорю ей ее же фразу и она со смехом грозит мне пальцем в ответ. Мол «не передразнивай».

-2-

Следующая неделя пролетает настолько быстро, что самой не верится. Настоящее чудо, если и последняя неделя работ пролетит так же быстро. В этой недели прекрасно было все – от легкого домашнего задания, которое я успевала сделать и даже отложить себе часик на отдых перед исправительными работами (моей личной вахтой), до той самой метлы, с которой я наконец могла работать в одиночестве.

Хоть в драке никто и не победил, видимо, Пит все же усвоил, что за меня есть кому постоять. Очевидно, оценил Теда и Бреда по достоинству, и теперь не суется ко мне со своими идиотскими подкатами. Может, сыграло роль и то, что Тэд бесперебойно каждый вечер встречает меня после работ. Приходит даже минут на десять раньше, чтобы намозолить всем глаза.

Кэти тоже каждый день заявляется с пончиками, и даже

примерно в одно и то же время. Не знаю, из-за нас или так получилось само – но теперь у всей группы в это время перерыв. Пошло все оттого, что Кэти стала являться, как всегда, в топах с огромных декольте и наш сорокалетний куратор принялся делать себе перекуры в это же время, чтобы наблюдать за декольте сверху.

Потом, заметив, к этому как-то подмаслились и пара ребят (включая Сантино), тоже делая себе в это время внеурочный перекур, потому что куратор не шибко смотрел на что-то, кроме декольте моей подруги. А к концу недели это уже приравнялось чуть ли не к официальному перекуру «Кэти Лейтли».

Думается, из-за этого ее здесь приняли за эту неделю гораздо теплее, чем меня за все три недели что я тут пашу, как ломовая лошадь.

Короче, неделя пролетела отлично, потому я шагала на исправительные работы с оптимизмом, не шибко свойственным человеку, который идет на бесплатный скотский труд. Однако, это была последняя неделя, я уже чуть не зачеркивала маркером дни в календаре, когда стану как и впредь, свободной. А главное, больше никогда и ни в чем не переступлю грань закона (даже в мелочи), чтобы больше никогда не оказаться на этом скотном дворе.

К шести, как всегда, появляется Кэти и трясет передо мной странно-большим бумажным пакетом.

– М-м? – бурчу я, уже взяв и залезая в него.

– Наше любимое капучино – заявляет она – и эклеры со сливками.

– Кэти! – улыбаюсь я, целуя подругу.

Это был наш любимый комплект, который мы неизменно заказывали в кафе. Конечно, стоил он несколько дороже лишь двух пончиков, потому брала Кэти их, но сегодня, видимо был особенный день. Впрочем, подруга не заставила себя долго ждать.

– Что отмечаем?

– Фух.. – вздыхает она – сложно сказать: отмечаем или скорбим.

Мой эклер так и застывает на полпути ко рту:

– Кто-то умер?

– Да нет.

Я тут же облегченно надкусываю. Лишь чья-то скоропостижная смерть заставит меня отказаться от этого лакомства. Все остальное подождет или отлично зайдет под этот комплект.

– Выкладывай тогда – требую я.

Кэти заливает кофе и говорит:

– Тейлор Свифт будет выступать здесь 9 мая.

Я так и замираю, прекратив пережевывать массу во рту. Нет, пожалуй две вещи заставят меня повременить с лакомством – это чья-то скоропостижная смерть и выступление Тейлор Свифт в Чикаго.

Это наша с Кэти любимая певица. Я знаю почти все ее

песни наизусть с 13-ти лет.

Однако, помню, что Кэти заявила о некоем «трауре», поэтому тут же спрашиваю:

– Цена?

– Заоблачная – хмурится подруга – Бред сказал, что сможет позволить себе даже один билет не раньше, чем закончит вуз. А он туда еще даже не поступил! – возмущенно взмахивает она руками.

Да уж, а у Бреда семья побогаче. У Теда можно даже не спрашивать, если Бред отказал. Вот и вся радость. Да уж, и правда – скорбь и радость напополам. Вроде приезжает, будет совсем рядом, в этом городе – но черта с два я туда попаду.

Я уже подумываю, может взять какой-нибудь кредит ради билетов, как Кэти выдает финальное:

– Да и ладно, все равно все билеты раскупили сразу же. Можно подумать, у нас тут чертова фан-база Тейлор Свифт – негодующе закатывает она глаза. Конечно, чтобы не говорили в сетях, а чем меньше поклонников у твоего кумира в городе – тем гораздо радостнее. Гораздо больше шансов протиснуться, получить автограф .. или хотя бы занять возможность на билеты.

Ладно, все равно денег не было. И вряд ли бы мне дали что-то, кроме микрозайма, который бы я выплачивала в тройном размере потом до конца своей жизни.

Что ж, Тейлор Свифт, увы и ах.

Точнее нет, ей-то насрать. Так что, что ж, Анжела Питерсон, увы и ах. Да, так будет вернее.

Заканчиваем есть мы в, полных сожаления, разговорах о Тейлор Свифт и том, как бы мы отожгли на ее концерте и сколько бы историй запили в инсту. В конце Кэти добавляет, что это было бы отличное завершение учебного года (конечно, 9 мая не завершение, но уже очень близко), на что я советую не сыпать нам соль на рану.

– Ладно, думаю слышно ее будет все равно.

– Ага – киваю я – но послушать я ее и в наушниках могу.

Хотелось бы увидеть. Почувствовать это безумное концертное настроение, когда ты и кумир дергаетесь в общей анархии, кайфуете, сейчас, одновременно, друг напротив друга, а не где-то там и как-то там..

Даже не знаю, улучшается у меня настроение или наоборот портится. И правда что – сомнительная новость. Когда мы допиваем кофе, Кэти встает. Сразу же тушит уже третью сигарету куратор, следом за ним тот час рассеиваются и остальные халавщики-перекурщики. Все хватаются за метла, а куратор, устало зевнув, принимается вновь за нами следить.

Досуг окончен, приступаем к рутине.

До конца дня я думаю о Тейлор Свифт и в итоге прочно решаю, что чудеса должны случаться. Я решаю все-таки попробовать уговорить Тэда что-то решить с билетами. Да, они проданы – но всегда можно найти перекупщиков. Да, у них

еще дороже – но если постараться, разве нельзя найти денег? Упросить родителей, в конце концов? Хотя бы на один-единственный билет.

Я бы тот час согласилась выйти за него замуж, серьезно.

Потому когда он приходит проводить меня, я уже горю от нетерпения. Он это замечает, и почему-то мрачнеет:

– Ты говорила с Кэти? – спрашивает, хотя это очевидно. Он ведь знает, что она приходит теперь каждый день, как и он.

– Да – улыбаюсь я.

– И вы говорили про концерт?

Я тут же закусываю губу, чувствуя не тот поворот:

– Да..

– Бред мне тоже говорил об их разговоре с Кэти – вздыхает он – послушай, детка..

И всю оставшуюся дорогу Тед в первую половину в красках расписывает, что он не сможет купить мне билеты, а вторую половину в деталях объясняет, почему именно он не сможет этого сделать, и когда он обязательно это сделает.

Приходим мы в итоге чуть ли не к тому, что на Тейлор Свифт я схожу где-то между 33-36 годами, когда дети достаточно подрастут, чтобы их оставлять одних, а он достаточно поднимется в карьере, чтобы получать столько, что сможет позволить себе билеты.

Меня такой расклад не радует, и кажется к финалу Тед и сам понимает, к какой ахинеи подошел, потому быстро ме-

няет тему, но мы уже подошли к дому. Тему не изменить, а мое настроение портится еще сильнее.

Да уж, Бред обещал Кэти билеты хотя бы после вуза. Мне же ждать прекрасных «средних лет». Просто зашибенная надежда в мои 17.

-4-

Какое начало недели – такой меня ожидает и конец. Каждый день ветер, потому весь песок и вся дрянь, которую мы должны сметать, нам просто несет в лицо. Я мою волосы каждый день и все равно они грязнятся, на коже уже начали появляются прыщи, и в общем настроение дрянь.

Везде уже расклеены плакаты о приезде Свифт, словно в насмехательство мне и всем, кто не успел купить билеты. Если они распроданы, на кой черт продолжать развешивать плакаты и постеры?

От стресса я даже начинаю больше есть, но когда замечаю, что джинсы, что раньше болтались в талии, начинают жать – тот час прекращаю это гнусное дело. Заедать проблемы – самое фиговое, что могло придумать человечество для женщин, чей размер одежды напрямую влияет на самооценку.

По крайней мере, у меня с моим вечно круглым лицом – это так.

Лицо я не могу изменить, но пусть хотя бы фигура будет что надо.

К пятнице, когда остается последних два дня моей каторги, ветер наконец-то прекращается (по крайней мере эта адская буря) и закончить я могу без психов. Подметаю, радуюсь тому, что песок не щелкает на языке, и зачеркиваю по приходу домой дни в календаре.

Ближе к вечеру замечаю, что Сантино умудряется организовывать себе еще перерывы (помимо перерыва Кэти). Они небольшие, но ускользают от взора куратора, который к вечеру уже теряет всю внимательность и интерес, и кажется, едва ли не спит, задолбавшись со всеми нами. Хотя, зная Рамоса, он бы умудрился прохладиться и с самым бдительным куратором. Ну или бы просто хлопотал себе очередные наказания, как то было в школе.

В эти неурочные перерывы он постоянно сидит с потрепанным блокнотом и карандашом, что-то записывая. Мне становится вроде любопытно, что он такое пишет (уж точно не домашнюю работу), но вскоре я теряю интерес. Что он может писать? Как ограбить очередной ларек, или план-схема челюсти очередного бедолаги, которого он хочет поколотить?

Однако на следующий день, в субботу, я все чаще подмечаю на себе его взгляды, когда он чиркает в блокноте. Меня одолевает навязчивая паранойя по поводу того, что он пишет там какие-то гадости про меня, невзначай подмечая, пока я не гляжу, типо:

Анжела Питерсон:

1)

Вылезли прыщи.

2)

Огромное лицо, как шар для боулинга

3)

Широкие уши

И всякая такая фигня в этом стиле. Тогда становится понятным, почему он смотрит на меня именно когда работает с блокнотом, а не в любое другое время. Если вдруг что сразу не вспоминает – дописывает, глядя воочию.

Интересно, что он собирается сделать с этим списком? Отдать мне по окончании работы?

Однако, я понимаю, что это похоже на бред, потому решаю как можно ненавязчивее узнать, что там у него в блокноте, а главное, как это что-то связано со мной и тем, что он постоянно на меня тарашится, когда сидит с ним в руках.

В один из таких его самодельных перерывов ближе к вечеру я подхожу к нему:

– Что делаешь?

Он бросает на меня небрежный взгляд, но не отвечает. Вновь возвращается к блокноту.

Но когда я пытаюсь заглянуть, он его резко захлопывает, только подтверждая мои подозрения:

– Там что-то про меня, да? – тут же пылю я.

– С чего ты взяла? – хмыкает он.

– Ты постоянно пялишься на меня, когда сидишь с этой

фигней в руках!

Неделя выдалась не лучшая, но я стараюсь держать себя в руках. Что, очевидно, у меня плохо получается, потому что на нас начинают оборачиваться.

– Рамос! – кричит куратор, заметив из-за меня, что тот прохлаждается на бордюре – какого черта? Бери метлу и мети.

Сантино недовольно сверкает на меня глазами, запихивает блокнот с карандашом в задний карман джинс и берет метлу, поднявшись. Однако, я не отстаю:

– Так что там? Пишешь про меня мерзости?

– Делать мне больше нехрен – отмахивается он, как от назойливой мухи.

– Тогда покажи.

– А что еще тебе показать?

– Может мне что показать? – включается один из его приятелей, дергая себя за ширинку.

Я закатываю глаза и возвращаюсь к своей метле. Пошел он к черту. И все они пусть идут к черту. Закончу этот день – и останется последний, после чего я этих идиотов больше никогда не увижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.